

детектив – событие

Литица

ОСОБНЯК САМОУБИЙЦ

Детектив-событие

Нина Дитинич

Особняк самоубийц

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дитинич Н.

Особняк самоубийц / Н. Дитинич — «Эксмо»,
2018 — (Детектив-событие)

ISBN 978-5-04-090316-0

Александра всегда была прагматичной реалисткой, поэтому не побоялась снять давно заброшенный особняк, который пользовался дурной славой. Ходили слухи, что прежние хозяева погибли при загадочных обстоятельствах, а в доме обитают призраки. Александра верила лишь в то, что из-за нелепых домыслов цена на аренду понизилась. Но после того, как она узнала о существовании клада, который спрятан где-то в доме, судьба артиста Альберта Барятьева и его жены Наденьки Александру заинтересовала. И теперь из дома она не уйдет, даже несмотря на то, что клад действительно охраняет самый настоящий призрак...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090316-0

© Дитинич Н., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Переезд в загадочный дом	8
Глава 2. История особняка и его хозяев	10
Глава 3. Гадание на Святки	12
Глава 4. Завидный жених	14
Глава 5. Любовь, похожая на сон	16
Глава 6. Борьба за сына	19
Глава 7. Странная выходка певицы Марфы Байзюк	21
Глава 8. Фиаско Юлии	24
Глава 9. Неожиданная находка	27
Глава 10. Нежданное счастье	29
Глава 11. Марфа рассказывает об особняке	31
Глава 12. Между раем и адом	34
Глава 13. Разбитые в прах мечты	37
Глава 14. Неприятности Марфы Байзюк	40
Глава 15. Исповедь Марфы	42
Глава 16. Крах семьи Марфы Байзюк	45
Глава 17. Любопытная незнакомка	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Нина Дитинич

Особняк самоубийц

© Дитинич Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

*Мы живем, точно в сне неразгаданном,
На одной из удобных планет...
Много есть, чего вовсе не надо нам,
А того, что нам хочется, нет...*

Игорь Северянин

*Не будем говорить о любви, потому что мы до сих пор не знаем,
что это такое.*

К. Г. Паустовский

Пролог

Покрытый мхом времени старинный особняк на одной из улочек Замоскворечья врос в землю и угрюмо отгородился чугунной решеткой от своих таких же древних собратьев, чудом уцелевших от алчного ока варваров – охотников точечной застройки. Из-под облупившейся известки местами проглядывала древняя кладка кирпичей. Провалы окон пугали непроницаемой, тревожной чернотой. И мало кто осмеливался подняться по стертым мраморным ступеням к двустворчатым дверям с медным, изъеденным зеленью старинным кольцом.

Заброшенный дом внушал местным жителям необъяснимый страх, прохожие невольно обходили его стороной. Всего год назад здесь кипела жизнь, но странная гибель молодой женщины, а вскоре и смерть ее мужа изменили все. Трагедия прибавила зловещего флера особняку, и после смерти его хозяев даже наследники боялись приблизиться к дому, напоминающему склеп. А уж желающих снять его и вовсе не нашлось. Дом продолжал жить какой-то своей особенной, тайной жизнью, чему немало находилось свидетелей, видевших по ночам внутри странный блуждающий свет, а некоторые, особо впечатлительные, сквозь запыленные стекла окон ухитрялись разглядеть призраков, выглядывающих из-за штор.

Гуляя с собакой, Александра частенько бродила вдоль забора, окружавшего особняк, останавливалась и разглядывала затейливые украшения фасада. Ей хотелось побывать внутри, почувствовать таинственную атмосферу и встретить хотя бы одно привидение. Хотя как психолог и просто образованный человек она понимала, что слухи о доме – не более чем сказки, что рассказывают, чтобы пощекотать себе нервы, а за призраков принимают забравшихся в дом бомжей.

Но сегодня Александре было не до старинного дома и мистических историй, рука беспокойно сжимала в кармане письмо арендодателя с отказом о продлении договора аренды. Это был неожиданный, болезненный удар, потому что найти за столь короткий срок другой офис в центре столицы за приемлемую цену практически невозможно, а снять помещение на окраине – значит потерять большую часть состоятельных клиентов. Принимать их в собственной квартире, в которой со дня на день начнется ремонт, смешно, тем более что смета на работы строительной фирмой составлена и аванс уже внесен.

Она судорожно вздохнула, взгляд ее упал на ворота особняка, и вдруг Александру осело.

«А почему бы не снять этот дом на время? Скажем, на год. Можно обустроить в нем офис, а заодно и жить здесь же. Особняк огромный, есть куда перевезти вещи на время ремонта».

И, будучи женщиной активной и решительной, она немедленно принялась за дело. В тот же день разыскала нынешнего владельца особняка. Им оказался Леонид Петрович Извеков, двоюродный брат почившего в бозе известного артиста Альберта Барятьева. Извеков проживал с семьей в квартире покойного на Пречистенке. И, на счастье Александры, на встрече согласился охотно, а уже через час ждал ее у ворот особняка.

Александра издали увидела худощавого мужчину лет шестидесяти пяти в темном старомодном пальто и потертой шляпе. Мужчина нервно озирался, хищно посверкивая стеклами круглых очков. Седыми, жесткими, смешно торчащими усами он почему-то напомнил Александре артиста, игравшего роль Кисы Воробьянинова в кинокомедии «Двенадцать стульев», но на этом сходство и заканчивалось. Но на героя одноименного романа Извеков вряд ли похож, как известно, Киса слыл известным кутилой и промотал состоя-

ние жены, а Извеков, напротив, представлялся Александре прижимистым, расчетливым человеком.

Внутреннее чутье не обмануло, Леонид Петрович оказался необыкновенно жадным типом и загнул такую астрономическую сумму за наем дома, что у Александры дыхание перехватило. Но она имела не только железную хватку и негибемый характер, но и удивительную находчивость. Поторговавшись и увидев, что Извеков не хочет уступать ни копейки, Александра печально вздохнула и с обворожительной улыбкой произнесла:

– Очень жаль, что вы хотите так много. Это безумная цена, я могу заплатить лишь половину.

Извеков упрямо боднул головой воздух и рассерженно промычал:

– Об этом не может быть и речи!

Но Александра не сдалась и тихим голосом, но со стальным напором, которому позавидовал бы сам великий полководец Суворов, проворковала:

– На вашем месте я бы за счастье сочла мое предложение. Ведь вы же понимаете, здесь не за что платить. Особняк запущен, вот-вот развалится и имеет такую дурную славу, что вряд ли кто другой его снимет. Так и будет гнить, а вы продолжите нести убытки. Ведь его содержание обходится недешево. А я, помимо платы за аренду, могу оплачивать коммуналку и приведу этот курятник в божеский вид.

Извеков понимал, что она права, и с унылым видом вынужден был согласиться.

Обоюдно скрепив подписями заранее подготовленный Александрой договор, они расстались. Александру удивило, что хозяин дома, вручив ей ключи, поспешно сбежал, даже не показав новой арендаторше территорию.

– А что тут показывать? Сами все посмотрите. Мне некогда, жена ждет, – и, с отвлечением взглянув на лестницу, ведущую на верхний этаж, ринулся к выходу.

Глава 1. Переезд в загадочный дом

Не теряя времени, Александра в тот же день вместе с мальтийской болонкой и домработницей Зинаидой перебралась на новое место. И занялась обустройством.

На первом этаже она решила сделать кабинет для приема клиентов, потерявших психическое здоровье на полях отчаянного сражения за место под солнцем.

Надо сказать, что психолог Александра Барсова преуспевала на своем поприще, и от клиентов у нее отбоя не было. Пятидесятилетняя статная голубоглазая брюнетка с хорошей фигурой и приятной внешностью с первого взгляда располагала к себе. Ее спокойный, убаюкивающий голос, уверенный, проникновенный взгляд, мягкие манеры производили на клиентов магнетическое воздействие, они подпадали под ее власть, расслаблялись, забывали о стрессах и становились кроткими и спокойными. Визиты к Александре стоили дорого, поэтому ее посещали люди хотя и разношерстные, но состоятельные.

Квартира Александры находилась неподалеку отсюда в многоэтажном доме. В трех комнатах обитали она, ее любимая болонка и сорокапятилетняя домработница Зина. С мужем Александра рассталась, дети выросли, выпорхнули из родительского гнезда и жили отдельно. Женщина целиком и полностью посвящала себя работе, которую очень любила и которая очень неплохо ее кормила.

Заброшенный дом будил ее воображение. Она представляла, какие умопомрачительные тренинги с клиентами тут можно проводить. А в глубине души таилось любопытство, Александре казалось, что дом хранит какую-то непостижимую тайну. О странной смерти обитателей особняка до сих пор судачат. И средства массовой информации нет-нет да и вспомнят о загадочной кончине молодой жены известного артиста Альберта Барятьева. Да и смерть его самого окутана тайной. Никто достоверно не знал, что произошло в этом особняке, показания свидетелей трагедии лишь больше напустили тумана.

Александру не на шутку заинтересовала эта история, она выудила в Интернете множество информации о бывших обитателях заброшенного дома, но к разгадке, что же именно произошло с хозяевами особняка, так и не пришла.

На следующий день они с Зинаидой как следует осмотрели особняк.

При дневном свете в глаза бросилась паутина, обильно свисавшая с потолка, огромный слой пыли на мебели, грязный пол. Убранство особняка сохранилось в первозданном виде, и если бы не густая, плотная пыль, можно было подумать, что хозяева в спешке покинули дом и должны вот-вот вернуться. На паркете от сырости местами проступила плесень, повсюду валялись брошенные вещи. Александре невольно вспомнилась легенда о «Марии Целесте» – корабле, покинутом экипажем по невыясненной причине.

Зинаида, вооружившись тряпкой и ведром с водой, бросилась наводить порядок. К вечеру она стонала от боли в спине, но стойчески закончила уборку.

Домработнице понравилась кухня, переходящая в столовую, на первом этаже. Старинный огромный резной буфет и овальный обеденный дубовый стол вполне органично сочетались с современной мебелью, бытовой техникой и бронзовыми, слегка выцветшими жалюзи.

Пока Зина перетряхивала ящики шкафов, драила до блеска полы и кастрюли, Александра на втором этаже знакомилась с комнатами бывших владельцев и библиотекой.

У бывшей хозяйки дома имелся кабинет, и он резко отличался от кабинета мужа рациональной простотой и удобством. Да и размером был значительно меньше. Компьютерный стол с полками у окна, кресло. Пара офисных шкафов, заполненных папками и книгами. Несколько портил вид старый книжный шкаф, целиком занимавший стену, за которым пряталась аскетическая оттоманка, застеленная шерстяным, сереньким в клеточку пледом. На столе в красивой металлической рамке – фотография мужа. И все щедро запорошено пылью.

Кабинет хозяина выглядел более вычурно и был обставлен антикварной мебелью из карельской березы.

«Странно, что такую дорогую мебель наследники оставили в доме, – подумала Александра. – Тем более что господин Извеков производит впечатление необыкновенно скупого человека».

Массивное, обитое мягчайшей вишневой кожей кресло возвышалось, словно трон, у стола и выбивалось из общего стиля утонченной старины. Шторы из тяжелого шелка, с кистями являлись произведением искусства и явно были специально заказаны по эскизам каталога девятнадцатого века. В кабинете хозяйки окна закрывали жалюзи: серебристые, с изящным рисунком, напоминающим веточки японской сакуры.

Спальни и Александра, и ее домработница выбрали наверху, внизу, несмотря на решетки, ночевать было страшновато.

– Мужичка бы нам хоть одного, – ворчала Зинаида. – В таком огромном доме и одни... Ну вы даете, Александра! Тем более здесь уже кого-то пришибли. Душой чую, хватим мы горя.

Они разговаривали в кабинете погибшей хозяйки особняка. Портрет худенькой жизнерадостной светловолосой женщины висел на стене. Угол фотографии был перепоясан черной шелковой лентой.

Маленькая, полнотелая, почти кругленькая Зина с ногами забралась на оттоманку и с благостным выражением лица вязала свитер. Рядом с ней калачиком свернулась болонка и безмятежно похрапывала.

Александра устроилась за столом с ноутбуком и скрупулезно выискивала информацию о супругах Барятьевых.

– Все-таки не верится, что жена артиста покончила с собой, – внезапно пробормотала Александра. – Странная какая-то смерть, неожиданная.

– Смерть всегда странная и неожиданная, – откликнулась Зинаида.

– А я ведь знала Надежду Барятьеву, – кивнула Александра на портрет.

– Да ну! – Глаза Зины загорелись любопытством. – Расскажите.

Александра глубоко вздохнула.

– Собственно говоря, близко мы не были знакомы, но иногда встречались, когда гуляли с собаками, общались.

Зинаида лукаво прищурилась.

– Тогда, выходит, я тоже ее знала, мы с ней частенько разговаривали, когда я Альму выгуливала.

– Мне она казалась очень несчастной, у меня даже возникло желание ей помочь, – словно оправдываясь, виновато произнесла Александра.

Удивленно взглянув на хозяйку поверх очков, Зина пробурчала:

– Да уж, счастливой ее назвать было трудно. Но мне думается, она сама виновата, прислугу распустила, мужа тоже.

– Чем же она виновата? У человека просто был мягкий характер.

– Нет, виновата! – завелась Зина. – И результат-то какой, сама повесилась, муж умер...

– А может, Надежду повесили, – задумчиво проговорила Александра.

– Так по телевизору сказали, что сама она на себя руки наложила.

– Ни с того ни с сего? Она была не похожа на психопатку. Поэтому даже если сама, то кто-то же довел ее до самоубийства! – гневно воскликнула Александра. – А это такое же преступление, как и убийство!

Глава 2. История особняка и его хозяев

Облезшие и засиженные птицами полуразрушенные кариатиды намертво вцепились в крышу особняка и держали ее уже третью сотню лет. Их глаза зорко наблюдали за происходящим. И наверняка увидели немало интересного. Ах, если бы они могли рассказать!

Особняк построен князем Барятьевым в девятнадцатом веке на месте боярского терема, сгоревшего во время московского пожара 1812 года.

Первый владелец особняка – герой Отечественной войны, князь Барятьев, происходил из рода знатного и древнего. Прадед его был боярином, спальником при Иване Грозном, состоял в тайном совете у государя и в делах военных отличился. Но по навету попал в опалу и был казнен. Жена боярина, больше жизни любившая мужа, не пережила его смерти и наложила на себя руки, повесилась в своей горнице.

Странное дело, но в доме, построенном на месте сгоревшего терема, история повторилась, только в иной интерпретации. Один из потомков Барятьевых, человек жестокий и желчный, женился несколько раз. Трех жен извел своим обращением, они недолго жили после замужества. А Барятьев недолго оставался вдовцом. Но четвертая его супруга не умерла тихо от какой-нибудь болезни или тоски, а бесследно исчезла. Слуги меж собой шептались, мол, задушил барин барыню и где-то в доме замуровал. С тех пор особняк обрел дурную славу.

А незадолго до революции 1917 года многих потряс новый таинственный страшный случай: единственный наследник огромного состояния, молодой красавец повеса Барятьев внезапно застрелился при загадочных обстоятельствах. Прибежавший на звук выстрела слуга увидел посреди зала расprostертого на полу мертвого хозяина рядом с пустым черным гробом, неизвестно откуда взявшимся. Никто из прислуги не видел, как гроб попал в дом, хотя из дома никто никуда не отлучался.

После этого обыватели сразу вспомнили, что на месте особняка в незапамятные времена было болото, где погибло немало всякого разного люда. Терем построили, осушив болото, и то, что он сгорел, было дурным знаком. А последующие события это только подтвердили. Поползли слухи по всей округе, что это место нечистое, что дом облюбовали призраки и живут в нем, а живым там места нет. И вообще есть в этом особняке что-то зловещее и даже угрожающее.

В советское время в особняке попеременно располагалось много всяких организаций. Последней занимала апартаменты союзная контора по снабжению и сбыту каких-то изделий. Сотрудники организации, не знакомые с судьбой дома, время от времени чувствовали как бы постороннее присутствие и необъяснимый, безудержный страх, поэтому вечерами старались на работе не задерживаться.

Комнаты и залы особняка были поделены на кабинеты. Фрески на потолке замазаны белой краской, и лишь в некоторых местах остались изразцы и великолепная лепнина. И только начальство решилось навсегда избавиться от буржуазной старины и отделать все современным пластиком, как грянула перестройка, контору выселили, а у особняка нашелся хозяин – известный артист Альберт Барятьев.

Альберт по материнской линии оказался потомком князей Барятьевых и взял фамилию родительницы.

Валяжный, импозантный красавец брюнет соответствовал своему имени – Альберт, что по-латыни означает «белый», потому что имел удивительную белую кожу, почти сияющую, как говорили поклонницы.

Альберту перевалило за сорок, он был в самом расцвете мужских и творческих сил. Чеканный, мужественный профиль, известность и искрометное обаяние легко покоряли женские сердца, а серьезность и основательность характера внушали пассиям надежду на

постоянство в отношениях и счастливый брак. Но Альберт ни разу не был женат, хотя любовных романов заводил массу, и бывали случаи, когда он даже намеревался узаконить отношения с очередной возлюбленной, но все срывалось в последний момент. И тому была серьезная причина – его мать, которая с детства была для Альберта идеалом и непререкаемым авторитетом.

Белла Леонидовна – эффектная, изящная брюнетка, над которой, казалось, возраст был не властен, безумно любила своего единственного сына и вертела им как хотела. Высокий, под два метра, крупный, статный Альберт с сильным, эгоистичным, своенравным характером терялся перед своей властной маменькой и ни в чем не мог ей противоречить. А уж тем более если дело касалось такого важного вопроса, как женитьба. Ведь с юного возраста он не перечил матери, чтобы не огорчать ее.

На многочисленные любовные похождения сына Белла Леонидовна закрывала глаза и иногда даже подсмеивалась над ними, но вот возможности серьезного романа для Альберта, угрозы, что какая-то женщина станет для него важнее матери, она даже в мыслях не допускала.

Глава 3. Гадание на Святки

1980-е, Подмосковьё

На улице завывала на все голоса зимняя вьюга. Снежные потоки закручивались в спирали, взлетали ввысь и порывисто со всей силой обрушивались на случайных прохожих. Сугробы были по пояс. Давно зима не проявляла столь яростный характер, давно не баловала изобильными снегами. Маленький старинный подмосковный городок потонул в снежной мгле, обезлюдел и, казалось, вымер. Не было видно ни зги.

В занесенных по крышу домах едва теплилась жизнь. Кое-где виднелся робкий дымок из труб. Единственная снегоуборочная машина застряла на дороге и была немедленно замечена снегом.

Шла первая неделя Святков.

Под вой рвущейся пурги, что бушевала за окном, в комнатухе небольшого домика на окраине городка две старшеклассницы увлеченно готовились к гаданию. Святочные гадания недавно снова вошли в моду.

Поставив на стол длинные белые свечи, Наденька – худенькая девушка со светло-русой косой и большим, словно у лягушонка, ртом – устроилась перед зеркалом. Достала спичку из фиолетового короба, чиркнула и поднесла к свечам, пламя тревожно заметалось, плавя воск.

Рядом суежилась ее подружка, белобрысая веснушчатая Сима, она с затаенным страхом наблюдала за манипуляциями Нади.

Захлебываясь от волнения, Наденька тараторила:

– Зря ты, Симка, здесь торчишь, так суженый не появится, я должна одна перед зеркалом находиться.

– И тебе не страшно? – испуганно спросила Сима.

– Нисколько, – храбрясь, хихикнула Наденька. – Выйди, я погадаю, а потом ты.

Недовольно вздохнув, Сима исчезла за дверью, прикрыв ее за собой.

Отодвинув зеркало подальше, Надя поставила напротив другое и стала всматриваться в образовавшийся бесконечный коридор.

Некоторое время она сидела неподвижно. От напряжения в глазах появились слезы, и она уже собиралась прервать гадание, как вдруг в глубине зеркального коридора появилось темное туманное пятно, в котором смутно угадывался силуэт человека. Силуэт приближался, проявились черты лица, а вскоре получилось рассмотреть бледность, синие глаза и черные как смоль волосы. Громко взвизгнув, Надя опрокинула зеркало.

В комнату ворвалась перепуганная Сима.

– Чего орешь? Что случилось? Что?!

Закрыв лицо руками, Наденька потрясенно прошептала:

– Я жениха своего видела.

– Да ну! – недоверчиво протянула Сима. – Может, показалось?

Наденька отняла руки от взволнованного личика. Ее лягушачий ротик безмолвно открывался и закрывался. Наконец, девушка взяла себя в руки и вымолвила:

– Не показалось, я его видела. Только лицо не запомнила, не рассмотрела как следует, я испугалась и зеркало перевернула. Это мой будущий муж, я знаю!

Сима насмешливо растянута губы.

– Совсем с ума сошла, привиделось ей! – Но нетерпеливо подскочила к зеркалам. – А ну, дай-ка я погадаю, уйди.

Еще не придя в себя от шока, Надя в полуобморочном состоянии медленно выбралась из-за стола, Сима мгновенно заняла ее место.

– Только ты, пожалуйста, не начинай, пока я не уйду, – жалобно пролепетала Надя.

– Хорошо, – не глядя, буркнула Сима, ей не терпелось повторить эксперимент подруги.

Наденька, словно испуганный воробышек, вылетела из комнаты.

Сима поправила свечи и старательно вгляделась в зеркальную поверхность, но сколько ни смотрела, так ничего и не увидела. Отставив зеркало, девушка позвала подругу.

– Ну что, видела? – спросила Наденька.

Сима нахмурилась.

– Ничего я не видела. Да и ты не видела. Ты все придумала!

– Не веришь? – обиделась Надя. – А я правда видела! У тебя просто чувства не такие тонкие, как у меня.

Сима обиженно надулась.

– Мои-то чувства как раз нормальные, а ты – истеричка. Мама говорит, у тебя руки потеют, потому что ты нервная. Вот тебе и мерещится всякая чушь. Тоже мне, жених ей привиделся! Психическая! – крикнула Сима и побежала в прихожую. Сорвав с вешалки старое пальто, она натянула валенки и вышла в метель.

Глава 4. Завидный жених

1980-е, Москва

Несмотря на метель, самолет из Италии благополучно приземлился в Шереметьево. Натянув капюшон куртки на голову, Альберт Барятьев спускался по трапу. Он только что вернулся из зарубежных гастролей.

Мать жила отдельно от сына, Белла Леонидовна не любила родовой особняк, и сколько Альберт ни уговаривал родительницу переехать к нему, она не соглашалась.

– Зря ты туда, сынок, перебрался, – с затаенным страхом крестилась она. – Нехорошая аура у дома, смертью от него несет.

Альберт снисходительно посмеивался, а в глубине души даже радовался, что мать так суеверна, все-таки жить без нее было вольготнее.

– Не верю я в эти сказки. К тому же священник все уголки и закутки дома освятил, святой водой окропил и с ладаном прошелся везде.

Белла Леонидовна печально вздыхала и качала головой.

– Все равно ты меня не убедишь. Слишком много нехорошего связано с этим домом. Нельзя в нем жить, тем более тебе его под музей дали. Вот и устрой в особняке музей, а живи здесь.

Новый муж матери, Казимир Иванович Загоруйко, моложавый мужчина с военной выправкой, подхватывал:

– Да-да, такое здание больше подходит под музей или театр. Но как там можно жить?

– Прекрасный дом, – упорствовал Альберт. – Мне там вполне уютно. Отдельное жилье в центре столицы – это фантастика! У меня даже свой небольшой дворик есть. Что хорошего в многоэтажке? Форменный улей.

Большая квартира с высоченными потолками на Пречистенке досталась Белле Леонидовне от предыдущего мужа, профессора Белоусова. После его смерти она недолго оставалась вдовой, вскоре встретила Казимира Ивановича, и они поженились. Военный врач в отставке во всем подчинялся красивой, властной супруге, обожал ее и жил по установленным ею правилам.

В ожидании Альберта Белла Леонидовна приготовила праздничный ужин. Казимир Иванович тоже толкался на кухне, колдуя над фруктовым салатом с грецкими орехами.

Мать расцеловала румяного с мороза Альберта, едва он вошел.

Альберт не менее тепло приветствовал родительницу, немедленно вручив ей заграничные подарки.

Счастливая Белла Леонидовна вертелась перед зеркалом, примеряя новые наряды. Казимир Иванович с удовлетворением разглядывал привезенные пасынком часы.

Надевая модные серьги, мать вдруг ревниво протянула:

– Кстати, как твоя Юлия? Надеюсь, вы с ней не в одном номере жили?

Помрачнев, Альберт недовольно буркнул:

– Я, между прочим, давно не мальчик.

– Ладно, ладно, это я так, – заюлила Белла Леонидовна. – Если хочешь, пригласи ее к нам на ужин в субботу.

– Ты это серьезно? – не поверил Альберт.

– Вполне. Да, Казимирчик? – обернулась она к мужу за поддержкой.

С сожалением оторвавшись от часов, Казимир Иванович с готовностью закивал:

– Конечно, Белочка.

– Ловлю на слове, – усмехнулся Альберт. – В субботу ждите нас с Юлей на ужин.

Засидевшись за разговорами до полуночи, Альберт остался ночевать у матери.

Но ранним утром вызвал такси и уехал домой.

Было около семи часов утра. На улицах тускло горели фонари, шел пушистый, густой снег. Было так красиво, что у Альберта зашло сердце. «Что может быть прекраснее Москвы и России?!» – восхищенно умилился он. Затем открыл калитку и вошел во двор.

В окнах особняка было темно. Прислуга – две молодые женщины – еще спала.

Поднявшись по заснеженным ступенькам, Альберт попытался открыть дверь. Но замок не поддавался. Он подергал медное большое кольцо – никакого результата. Альберт разозлился: дверь закрыли изнутри на засов, хотя знали, что хозяин должен приехать.

Он раздраженно нажал на кнопку звонка. Минут через десять в окнах зажегся свет, и дверь распахнулась.

Заспанная домработница сконфуженно заулыбалась.

– А мы думали, что вы завтра приедете.

В полдень Альберт позвонил Юле и передал приглашение матери.

К его изумлению, возлюбленная восприняла это известие без энтузиазма и, сославшись на сильную занятость, отказалась от визита.

Альберт разозлился и устроил Юле скандал с дознанием. Но Юля бросила трубку.

Беспощадная ревность обожгла артиста, казалось, страсть к Юле вспыхнула с новой силой, а девушка не брала трубку. Альберт впал в отчаяние, он позвонил матери и поделился с ней своим горем.

Белла Леонидовна мгновенно просекла ситуацию и стала действовать хитростью. Она сочувственно проворковала:

– Раз Юлия не может, давай перенесем встречу, придем сами к ней на спектакль. Сделаем сюрприз. Я куплю для нее дивные розы.

– А это идея! – оживился Альберт. – Купим розы и приедем без предупреждения.

Внутренним взором он видел Юлю в объятиях коварного соперника и хотел уличить ее в неверности.

– Конечно, сынок, все сделаем, как скажешь.

Ненависть к пассии сына кипела в душе Беллы Леонидовны.

«А вот пусть выкусит! – скрежетала зубами она от бессильной злобы. – Костями лягу, а не станет она женой моему мальчику».

Глава 5. Любовь, похожая на сон

Наденька выросла в семье провинциальных врачей. Сейчас семья была самая простая, но в начале двадцатого века прадед по линии отца занимал высокую должность в правительстве.

Ребенком Надя подолгу рассматривала в бархатном альбоме старинные фотографии. Прадедущка с бородкой и усами и прабабушка в длинном нарядном платье, с уложенной вокруг головы косой пшеничных волос оживали, и девочка шепотом беседовала с ними.

Надя росла мечтательной, впечатлительной и несколько нервной. Она никогда не была красавицей – худенькая, невысокого роста, с тоненькими ручками и ножками, с большим ртом, она напоминала лягушонка, но очень милого лягушонка, и вызывала чувство трогательности. Несмотря на забавную внешность, было в ней своеобразное очарование. Особенно хороши были Надины глаза редкого фиалкового цвета, подобные аметистам.

С Симой они дружили с детства. Почему их дружба так крепка, многих удивляло. Грубоватая, с хитрецей Сима часто подсмеивалась над мечтательностью Нади и за глаза нашептывала подружкам, что у Надьки одни тараканы в голове. Тем не менее Надя училась на отлично, а Сима была всего лишь крепкой троечницей. К тому же добродушную Надю все любили, а Сима этим не могла похвастаться.

Святочное гадание оставило сильный след в тонкой душе Наденьки. В ту же ночь ей приснился жених, она видела его настолько явно, что, проснувшись, искала взглядом.

Сима распустила в школе слух о том, что Надьке при гадании померещился в зеркале жених, смеялась, что она совсем чокнулась. Но, как ни странно, одноклассники поверили Наде и с восторгом расспрашивали о гадании и силуэте в зеркальном коридоре.

И Сима затаила нешуточную злобу на подругу, даже поклялась отомстить ей за то, что Надя вновь в центре внимания и объект всеобщего обожания.

За подготовкой к выпускным экзаменам быстро закончилась зима, промелькнула весна, и прозвенел последний звонок.

Наденька растрогалась и даже заплакала, когда крохотная девчушка в школьной форме, в белом накрахмаленном переднике и с огромными бантами пробежала по двору с колокольчиком в руках. Только сейчас она поняла, что детство и отрочество закончились. Впереди новая, пугающая неизвестностью взрослая жизнь.

Все дальнейшее происходило как во сне: промчался выпускной бал с его вальсами и гулянием до утра по сонным улочкам городка; пролетели вступительные экзамены в университет... И вот Надя уже студентка, с чемоданом в руках она садится на утренний автобус и едет в Москву, заселяться в общежитие.

Наденьке повезло, ее поселили в двухместную комнату. Ее соседка уже заселилась. На кровати у окна сидела рыжеволосая кареглазая девушка со вздернутым носиком.

– Я – Вера, – приветливо улыбнулась девушка. В ее глазах неудержимо плясали смешинки.

– Надежда, – радостно ответила Наденька.

– Вам бы еще сюда Софью – мать мудрости, – со слабой улыбкой проговорила замученная заботами и проблемами, рано постаревшая мать Нади, которая приехала устраивать дочь.

– Нет, уж лучше Любовь, – засмеялась Вера.

– Рановато вам еще, – поджала губы Надина мать. – Сначала выучитесь.

Учеба в университете отнимала много времени, после занятий Надя часами сидела в библиотеке.

Библиотекарша была завзятой театралкой и страстной поклонницей таланта артиста Альберта Барятьева и посещала все спектакли с его участием. Это было несложно, ее тетка работала кассиршей в театре и снабжала ее билетами. Как-то у библиотекарши случайно остался лишний пригласительный билет на творческий вечер с Барятьевым, и она предложила его Наденьке. Пригласительный билет был на два лица, и она позвала с собой Верочку.

На мероприятие Надя надела выпускное платье – нарядное, бледно-голубого цвета. Верочка же, наоборот, нарядилась строго – в темно-синее платье с белоснежным отложным воротничком.

Девушки выделялись среди приглашенных. Дамы в вечерних туалетах скользили пренебрежительными, насмешливыми взглядами по провинциальным нарядам студенток. Мужчины, напротив, бросали любопытные взоры на молоденьких красавиц.

Рассматривая фотографии артистов на стенах, наряды гостей, обстановку, подружки не сразу увидели виновника торжества.

Заслуженный артист Альберт Барятьев стоял посреди большого зала, окруженный поклонниками. Он вдохновенно вещал о своих творческих муках.

Наденька бросила на Барятьева взгляд и остолбенела. Перед ней стоял жених, увиденный в зеркале во время святочного гадания. Такое же бледное лицо, такие же черные волосы, синие глаза... Актер повернулся в ее сторону. Несомненно, это был он! Не в силах отвести взгляд, Наденька замерла. Верочка дергала ее за руку, что-то говорила, но Наденька не слышала ничего и зачарованно смотрела на Барятьева.

Почувствовав взгляд девушки, Барятьев обратил на нее внимание.

Восторженно раскрытый крупный рот, удивленно распахнутые глаза, хрупкая фигурка девочки-подростка, растерянный вид... Наденька показалась Альберту жалкой и нелепой, и он милостиво улыбнулся девушке.

Стоявшая рядом с Барятьевым надменная красавица перехватила заинтересованный взгляд любовника и ревниво оскалилась.

– Какая смешная девчонка, – презрительно кивнула она на Наденьку. – На лягушку похожа.

Но отношения Альберта и Юли переживали не лучшие времена, и, чтобы позлить свою спутницу, Барятьев еще раз улыбнулся Наде и решительно шагнул в ее сторону.

– Вы – прелесть, – проворковал он Наденьке. – Настоящая царевна-лягушка на балу.

Ошеломленная девушка не знала, радоваться или огорчаться столь странному комплименту, и на всякий случай растерянно заулыбалась. А затем смело протянула руку и произнесла:

– Меня зовут Надя.

– Альберт Барятьев, – усмехнулся Альберт и легонько пожал девичью хрупкую ладошку.

Юля пренебрежительно смерила взглядом Наденьку и саркастически фыркнула.

А Барятьев, взяв Наденьку под руку, нагнулся к ней и, щекоча своим горячим дыханием, спросил:

– Вам нравятся фильмы, в которых я снимался? Или вы больше любите спектакли?

От счастья, что этот мужчина обратил на нее внимание, у Наденьки закружилась голова.

– Вы гений! – восторженно выдохнула она, хотя не помнила ни одного фильма с его участием и не видела ни одного спектакля.

Юля вспыхнула от негодования и начала отчаянно флиртовать с рядом стоявшим мужчиной.

Барятьев заметил это и побледнел от гнева, но сдержался.

Наденька тоже заметила и поведение красавицы, с которой недавно общался Альберт, и его реакцию и мило защебетала, чтобы отвлечь мужчину.

Злость Альберта отступила, периодически косясь на любовницу, он слушал, как Наденька с упоением рассказывает о своем городке, об экзаменах и еще о каких-то пустяках. Ему было совершенно неинтересно, но он делал увлеченный вид и сладко улыбался. Увидев досаду на лице Юли, он получил огромное удовольствие, и его ревность к ней растаяла без следа.

Юля же окончательно обиделась на Барятьева и, не прощаясь, демонстративно покинула зал под ручку с новым кавалером.

К своему удивлению, Барятьев спокойно пережил поступок своенравной любовницы и поехал провожать новую знакомую и ее подругу.

У общежития, видя, с каким ожиданием девушка смотрит на него, Альберт не стал ее разочаровывать и взял в свои ладони ее руки.

Наденьку вдруг как током ударило. Сильное, неведомое ранее чувство нежности накрыло ее с головой, ей вдруг стало так хорошо и покойно, как никогда еще не бывало. Вдруг Альберт нагнулся и поцеловал Наденьку. От неожиданности девушка дернула головкой, и его поцелуй пришелся ей в нос, это рассмешило их обоих.

И Альберт вдруг подумал, что девочка очень и очень мила.

– Возьми, – сунул он в ладошку Наде визитную карточку. – Позвони, если захочешь встретиться еще, буду ждать.

Надя радостно пообещала:

– Обязательно позвоню.

Ошеломленная Верочка, выбравшись с заднего сиденья автомобиля, молча последовала за своей соседкой к общежитию.

– Он мой будущий муж, – горячным шепотом произнесла Наденька.

– Да ты что! Вы сегодня первый раз в жизни увиделись, а ты уже – муж, – изумилась Вера. – И кто он, а кто ты...

– Вот посмотришь, я правду говорю, – счастливо засмеялась Наденька.

– Ты сумасшедшая, Надька! – недоверчиво и одновременно восхищенно покачала головой Вера.

Глава 6. Борьба за сына

Белле Леонидовне не пришлось ехать в театр на спектакль любовницы сына, чтобы угодить ему, взбешенная Юля сама позвонила ей.

– Ваш сын – извращенец! – заявила она, даже не поздоровавшись. – Прицепился на творческом вечере к соплячке, ей шестнадцати нет. Можете сообщить Альберту, чтобы он мне больше не звонил!

– Почему бы вам, милочка, самой не сказать это ему? – коварно прожурчала Белла Леонидовна, скрывая радость.

– Он к телефону не подходит, а у меня нет никакого желания дозваниваться ему.

– Что ж, непременно передам.

Положив трубку, Белла Леонидовна задумалась.

«Интересно, что за новая пассия появилась у Альберта? Если молоденькая дурочка, то она его серьезно не зацепит, поэтому не стоит и беспокоиться. Главное, что эта стерва Юлия его бросила. Хотя еще неизвестно, она не из тех, кто сдается. А мой мальчик лакомый кусочек для таких, как она... Небось, уже платье свадебное приготовила. Но, даст бог, мы от нее избавились».

Белла Леонидовна решила закрепить свою победу над врагом и позвонила сыну. Поговорив на разные темы, она словно невзначай заметила:

– Мне Юлия звонила, жаловалась на тебя.

Альберт взорвался:

– Жаловалась?! Вот стерва! Сама сбежала с мужиком, а я виноват!

– Как? – удивилась мать. – А мне она сказала, что это ты оставил ее ради какой-то молоденькой девушки.

– А что еще мне оставалось делать?

– Так ты, может быть, с ней еще помирись? – разочарованно выдохнула мать.

– Посмотрим на ее поведение.

Хорошо зная самолюбивый характер сына, Белла Леонидовна с притворным сочувствием вздохнула:

– Не переживай. Я знаю, как вам лучше помириться. Давай купим розы и поедem к ней на спектакль, как планировали. Попросишь прощения.

– Да пошла она! – разъярился Альберт. – Подумаешь, царица! Таких, как она, у меня до черта. Никаких роз и унижений! У меня от поклонниц отбоя нет, одна жена Викентьева что стоит, не чета Юльке. Ты видела, какая она красотка? Просто чудо!

– Ты прав, сынок, – подхватила мать. – Замужние женщины лучше всего, единственная опасность – их мужья, особенно если занимают высокие должности. Вот тут берегись!

– У нас с ней платонические отношения, – засмеялся Альберт. – А с Юлей все в прошлом. Слышать про нее не хочу!

Положив трубку, Белла Леонидовна задумалась:

«Может, самой подыскать Альберту жену? Ведь ему уже за сорок, и я уже не молода... Годы идут, останется мальчик один, пропадет. Современные женщины эгоистичны, самостоятельны, хотят, чтобы все вертелось вокруг них, а Альберту нужна жертвенная женщина, такая, чтобы могла свою жизнь полностью посвятить ему. Она должна быть прекрасной хозяйкой, глубоко любящей его, тактичной. Альберт – человек творческий, неординарный, ему нужно поклонение. Нужно взять решение этого вопроса в свои руки».

Белла Леонидовна привыкла, что все нужно решать самой. Жизнь ее не баловала и закалила характер.

Во время революции, когда она была еще маленькой девочкой, родители увезли Беллу в Одессу. Там они надеялись найти корабль и переправиться в Турцию, но не успели, пришли большевики и родителей арестовали. Маленькая Белла осталась с теткой, которая чудом уцелела, выйдя замуж за сотрудника НКВД.

Вскоре из Москвы пришло трагическое известие, что оставшиеся там родственники расстреляны прямо в гостиной собственного дома. Родители Беллы пропали без вести. И как тетка ни пыталась что-нибудь узнать о них через своего мужа, но так и не смогла. Белла осталась в семье тетки и росла с ее сыном.

Время летело быстро, из маленькой девочки Белла превратилась в обворожительную красавицу. Невозможно было пройти мимо нее, не обратив внимания, но она стойко отвергала всех поклонников. Согласилась только на предложение руки и сердца от молодого, но тогда уже перспективного ученого, оказавшегося в Одессе в командировке. Так Белла смогла вернуться в Москву.

Глава 7. Странная выходка певицы Марфы Байзюк

Наши дни, Москва

Для приема клиентов Александра оборудовала уютную комнату с камином на первом этаже.

Треск и запах горящих поленьев умиротворяюще действовали на потрепанную нервную систему посетителей.

Новая клиентка – истеричная, дерганая дама, жена крупного бизнесмена, в прошлом довольно популярная певица Марфа Байзюк, худощавая блондинка с высокой, явно силиконовой грудью, вытянув длинные ноги, лежала на кушетке и ныла, словно электрическая дрель.

– Я уверена, у него есть любовница! До меня он бросил жену, теперь моя очередь. Наверняка нашел помоложе.

Александра бесстрастно повторила:

– Не накручивайте себя, Марфа. Помните, мысль материальна. Настраивайтесь позитивно. Лягте удобнее и закройте глаза, расслабьтесь. Сейчас вы услышите плеск волн, глубоко и свободно вдохнете морской воздух... – Александра распылила по комнате немного освежителя «Морской бриз». – Вы лежите на теплом песке, вас касается ласковый, легкий морской ветерок. Ваши ноги и руки наливаются теплом, тяжелеют...

Но госпожа Байзюк никак не желала расслабляться.

– Погодите! – жалобно пискнула она. – Сначала выслушайте меня!

Александра с готовностью кивнула.

– Хотите поговорить?

Байзюк закивала и торопливо начала:

– И на домработницу посматривает, и моей подруге подмигивал, и собаку гладит нежно так... Может, он зоофил?

Александра устало слушала поток болезненных, уродливых фантазий, вызванных нездоровой ревностью и злобой.

– Если вы не приведете в порядок нервы, то вам придется обращаться не ко мне, а к психиатру, – произнесла она, когда Марфа сделала паузу.

Байзюк тревожно встрепенулась.

– Это вы серьезно?

– Более чем, – строго сказала Александра. – Поэтому давайте продолжим процедуру, а потом поговорим.

Марфа криво улыбнулась и выдала:

– А как вы думаете, Надежда Бятышева, которая, между прочим, проживала в этом доме, нуждалась в помощи психиатра?

– Трудно сказать, я не знаю, – растерялась Александра. – А почему вы спросили?

– Зачем вы сняли этот дом? – перебила ее Байзюк.

– На это были причины, – удивленно протянула Александра.

– Да? А мне кажется, что вы в сговоре с моим мужем, – недоверчиво произнесла Байзюк.

Александра была изумлена.

– Не понимаю, о чем вы...

– Как о чем? О том, что он снял вам этот дом для того, чтобы вы меня сделали сумасшедшей!

Александра покраснела от негодования, но взяла себя в руки, все-таки она профессионал.

– Марфа, я даже не знакома с вашим мужем, – холодно и спокойно сказала она. – У вас паранойя.

Но Марфа словно не слышала.

– Сколько он вам заплатил? – кричала она. – Я заплачу больше! Только...

– Марфа, успокойтесь, – прервала ее Александра. – Если вы мне не доверяете, то нам лучше прекратить сеанс.

Байзюк притихла, затем, робко взглянув на Александру, пробормотала:

– Извините, я вся на нервах. А как только вошла сюда, сразу решила, что это идея моего мужа. Что это он хотел, чтобы я оказалась в этом доме, чтобы со мной произошло, как с Надей... Мы же с ней подругами были.

– Я с вашим мужем не знакома, – повторила Александра. – Я сняла этот дом сама, потому что так сложились обстоятельства. И при чем здесь Надежда Барятыева, может, объясните? Иначе я не знаю, что мне с вами дальше делать.

Марфа встрепенулась.

– Вы же психолог, сделайте что-нибудь, чтобы я не нервничала.

– Тогда нужно выявить вашу проблему. Расскажите, что вас тревожит. И как это связано с Барятевой.

Марфа немного успокоилась и начала рассказывать:

– Надя была замечательной. Доброй, гостеприимной. Мы сблизились с ней на одной тусовке в театре, хотя знакомы были и раньше... В одном кругу вертелись. – Байзюк резко отняла руки от лица и истерично хихикнула. – Кстати, ее муженек был еще тот кобель, ни одной юбки не пропускал. И меня с ним грех попутал. Вот, наверное, и плачу за это.

Александра успокаивающе проговорила:

– Считайте, что это не вы, а ваши гормоны согрешили. Процессом воспроизводства себе подобных управляет природа, если бы этого не происходило, жизнь давно бы прекратилась. Молодость – самый репродуктивный период жизни человека, гормоны фонтанируют, давят на сознание, поэтому так много делается глупостей. К старости гормоны успокаиваются, и человек становится мудрее и воздержаннее. – Она иронически усмехнулась.

– Правда? – по-детски доверчиво спросила Марфа. – Вы такая умная, с вами все понятно, и мозги на место встают, а вот когда прихожу домой, то все начинается снова. – Она помрачнела. – Боюсь, что закончу, как Надя. Надя ведь безумно любила мужа и дико ревновала его, а теперь у меня похожая ситуация, теперь мой муж выбрасывает фортели.

Наблюдая за Марфой, Александра думала:

«Что-то здесь нечисто, видимо, в подсознании Марфы глубоко, словно прочно вбитый гвоздь, сидит чувство вины перед Надеждой Барятевой. Смерть подруги, видимо, трансформировала это чувство в тревожное, мистическое состояние неизбежной расплаты и вселило в нее панический страх. Странно, что у такой легкомысленной, беспечной и в то же время хваткой, хищной женщины, как Марфа, кратковременные отношения с мужем подруги вызвали такое сильное нервное расстройство. Нравственность и тонкость души у нее, похоже, отсутствуют. Неужели в ней дремлет нервно-психическое заболевание и история с Барятевой лишь усугубила его? Или здесь что-то другое?»

– Почему вы боитесь, что с вами случится что-то подобное? – осторожно и ласково, словно у ребенка, спросила Александра. – Откуда такие ужасные мысли?

Марфа горестно покачала головой.

– Не могу объяснить это словами, но атмосфера в моем доме сильно напоминает ту, в которой пребывала Надя накануне своей ужасной смерти.

– Чем именно?

Байзюк нервно сжала руки и хрустнула пальцами.

– Мой муж относится ко мне как к чему-то неодушевленному, как к мебели. – Она разомкнула пальцы и села. – Он потерял ко мне интерес.

Александра устроилась в кресле рядом с кушеткой.

– Это бывает время от времени в отношениях между мужчиной и женщиной. А потом проходит, наступает новый этап.

– А если нет? – испуганно заморгала Марфа. – Если это конец?

Александра вздохнула.

– Но иногда отношения нельзя оживить. Может случиться, что это просто не ваш мужчина и надо расставаться.

Клиентка от волнения стала хватать ртом воздух.

– Да вы что! – возмущенно крикнула она. – Как это расставаться?! Разводиться?! Да я на него жизнь угробила! Петя бросила ради него, а вы говорите – расставаться! И у меня своего ничего нет, а он при разводе оставит меня нищей.

Откинувшись на спинку кресла, Александра приготовилась к долгому тягостному разговору и изрекла:

– Огромная ошибка женщин в том, что они или связывают замужество с понятием рабства, или отказываются от собственного самовыражения. Женщина должна быть независима от любых обстоятельств, иметь профессию и возможность выжить, несмотря ни на что.

– Да он мне сам не давал работать, говорил, чтобы я дома сидела, – грустно вздохнула Байзюк. – Хотел, чтобы я воспитанием ребенка занималась.

– Хорошо, допустим, вы разведетесь, но если у вас ребенок, то, соответственно, алименты будете получать немаленькие.

Марфа насмешливо сверкнула глазами.

– Не смешите меня! У этого кровососа снега зимой не выпросишь, а вы говорите – алименты...

– Если ваш муж такой жадный, как вы могли предположить, что он оплачивает мне аренду? – усмехнулась Александра.

Марфа фыркнула.

– Действительно, глупость сморозила. Но я уже с ума схожу из-за этой твари. А ребенка он мне не отдаст, из вредности отсудит, и будет моего сыночка воспитывать какая-нибудь его очередная молоденькая дрянь, ненавидящая моего мальчика. Я бы этого урода убила! – возбужденно воскликнула Марфа. – Козлы они, эти мужики. Сейчас полно таких, кстати. Надин муж тоже над ней издевался.

Александра оживилась:

– Что вы имеете в виду?

– А то и имею, что говорю. Только Альберт еще хуже был, чем мой муженек, мой-то против него умом не вышел. Тот изощренно мучил жену. Больной на всю башку был, да и мамашка его тоже «ку-ку», – повертела у виска Байзюк. – Крови Наде попортила немало.

Глава 8. Фиаско Юлии

1980-е, Москва

Проницательная Белла Леонидовна была права, когда предполагала, что Юлия так просто не отстанет от Альберта, поэтому, узнав, что они опять сошлись, не очень-то удивилась, но огорчилась сильно. Тем более случилось это на ее день рождения.

Ее дорогой сынок по этому поводу устроил торжество в ресторане и явился поздравить мать под ручку с Юлией.

Это был неожиданный и очень болезненный удар, но Белла Леонидовна даже глазом не моргнула и медово улыбнулась спутнице сына. Юлия, будучи хорошей актрисой, без труда прочла в этой улыбке столько яда, что внутренне содрогнулась и даже струсил.

Виновница торжества усадила возлюбленную сына рядом с собой, а Альберта разместила с другой стороны вместе с ненаглядной гостьей, той самой красавицей – женой чиновника Викентьева. Самого Викентьева, правда, на праздновании не было, уж больно большой пост он занимал, но его супруга как поклонница творчества Альберта Барятьева не могла отказать себе в удовольствии лишний раз прикоснуться к миру прекрасного в виде обожаемого артиста.

Порозовев от выпитого шампанского, белокурая, миловидная, модно и даже несколько вызывающе разодетая дамочка мило щебетала со своим кумиром, а Белла Леонидовна, пользуясь тем, что сын не слышит ее, склонилась к Юле и с очаровательной улыбкой прошептала:

– Милочка, оставь моего сына в покое. Навсегда! Если ты сейчас не услышишь меня, то я устрою тебе страшные неприятности, ты даже себе не представляешь какие. Я знаю такие штучки, что тебе и не снились. Например, заговор на смерть, меня этому бабка научила. Пойду на кладбище, возьму земли со свежей могилы, заколдую ее и подброшу тебе, ты начнешь гнить, вся покроешься пузырями и зловонными ранами...

Юля вначале побелела, потом позеленела, а в конце побагровела, выскочила из-за стола и со всех ног кинулась к выходу. Больше ее в тот вечер здесь никто не видел.

Обеспокоенный поступком любовницы Альберт поинтересовался у матери:

– Что это с Юлей? Куда она?

– Ерунда, сынок. Она тебя к жене Викентьева приревновала, – улыбнулась мать.

Альберт разозлился.

– Вот дура! Надоели ее выходки! Ты права, мама, надо с ней кончать.

Разрыв с Юлией благодаря матери оказался для Барятьева безболезненным, но все-таки злобу на бывшую любовницу он затаил и, как-то увидев ее со своим приятелем, при случае вылил ему на Юлю большущий ушат грязи. И это несмотря на то, что в тот момент был абсолютно равнодушен к ней и увлекся новой молоденькой актрисой.

Альберту казалось, что наконец он по-настоящему влюбился. Очаровательная, грациозная Виолетта покорила его сердце. Он днями и вечерами пропадал в ее театре. Следовал за дамой сердца по пятам и совершенно забросил работу над мемуарами своего рода, о чем тут же доложила Белле Леонидовне его домработница – бдительная и верная Антонина.

Белла Леонидовна не на шутку встревожилась и немедленно провела разведку боем. Она самолично отправилась в театр, чтобы изучить нового врага. Но ее тревога была напрасной, Виолетта оказалась совершенно равнодушна к чувствам ее сына, что даже оскорбило Беллу Леонидовну.

А Альберт, надеясь добиться взаимности, изображал верного рыцаря прекрасной дамы, красиво ухаживал и в один прекрасный день прилюдно, прямо на сцене во время репетиции, стоя на коленях, сделал ей предложение руки и сердца.

Каково же было его разочарование и какой его обуял гнев, когда он услышал от избранницы отказ. Вскочив, Альберт с яростью бросил букет роз на пол и кинулся вон с одной жгучей мыслью – отомстить «мерзавке» за позор.

Бедная Виолетта не представляла, что ее ждет. Несчастья посыпались на нее как из рога изобилия. Вскоре молодой человек, с которым она встречалась, по телефону сообщил болезненным голосом, что между ними все кончено. Виолетта сильно переживала, пыталась выяснить, что случилось, но он избегал встреч. Когда девушка стала встречаться с другим, внезапно история повторилась. Вскоре о ней поползли дурные слухи. У Виолетты испортились отношения с коллегами, ни с того ни с сего взялся режиссер, и актриса вынуждена была перейти в другой театр. Она даже не догадывалась, что все это козни обиженного Альберта Барятьева.

В суеде дней и череде событий Альберт совершенно забыл о Наденьке, но она не забыла о нем. Несколько раз девушка пыталась дозвониться ему, но женский раздраженный голос отвечал, что Альберта нет дома. Конечно, ее это сильно ранило, она переживала и тосковала по Альберту. Ей вспоминались его крупные сильные руки, синие глаза, чувственные губы. Тысячу раз она вспоминала его поцелуй, смех, улыбку, голос... Тайком прижимала к щеке и целовала визитку, которую он держал в своих руках.

У Веры хватило такта не спрашивать о Барятьеве, но ей было понятно, что отношения у Надежды с ним не сложились. Иногда по ночам она слышала тихие всхлипывания, но делала вид, что ничего не происходит.

Только когда у Нади появились хвосты, потому что в любовных грезах ей было не до учебы, Вера не выдержала.

– И долго это будет продолжаться?

Надя прекрасно поняла, о чем говорит Вера, и, закусив губу, молчала.

– На фига тебе этот старпер нужен? Вокруг полно молодых нормальных парней, – продолжала она. – Вылетишь из университета и будешь дома хвосты коровам крутить. Ты хотя бы своих родителей пожалела!

Выслушав подругу, Надя горестно вздохнула.

– Тебе легко говорить, ты не влюблялась. А я жить без него не могу!

Верочка презрительно фыркнула:

– Почему не влюблялась? Очень даже влюблялась, просто я не хочу быть хуже своего парня, вот и стараюсь, учусь, а ты дурака валяешь.

Наденька бросила на нее взгляд раненого зверька, и Вера отвела глаза.

– А впрочем, поступай как знаешь, это твоя жизнь. Только ведь ты и для достижения своей любви ничего не делаешь. Нашла бы Барятьева, постаралась бы стать ему нужной, необходимой, в конце концов, попыталась бы влюбить его в себя...

– Как я его найду? – вскинулась Наденька.

– Очень просто, – сердито фыркнула Вера. – Поинтересуйся у библиотечарши, она его фанатка.

Наденька взяла этот совет на вооружение, но воспользоваться не успела: пока набиралась решимости, ее отчислили из университета за неуспеваемость. И в институтскую библиотеку дорога оказалась закрыта.

Чтобы не возвращаться с позором домой и не расстраивать родителей, Надя набралась смелости и поехала устраиваться на работу в театр, где служил Мельпомене ее возлюбленный.

Наденьку зачислили на самую низшую должность – помощником костюмера, и теперь она, стоя часами с тяжеленным утюгом в руках, наглаживала театральные костюмы в подвале театра. Из общежития ей пришлось уйти, и дальняя родственница из жалости пустила

ее пожить в пустующую комнатку в коммунальной квартире, чему Наденька была несказанно рада.

Ей казалось, что жизнь налаживается, но вдруг случилось ужасное – ее ненаглядный возлюбленный Альберт Барятьев при встрече не узнал ее и, скользнув по девушке-костюмерше равнодушным взглядом, отвел глаза.

Сердце Наденьки оторвалось и бухнулось куда-то вниз, в какую-то огромную пропасть без конца и начала, отвратительно зазвенело в ушах. С трудом устояв на ногах, она жалко улыбнулась и едва живая поплелась в театральный подвал гладить костюмы.

У Барятьева же при взгляде на Наденьку что-то мелькнуло в голове, девушка показалась ему знакомой, но детали он вспомнить не смог, да и не видел в этом смысла, поэтому ушел, выкинув невзрачную костюмершу из головы.

Про студентку, которую он недавно провожал до общежития, Альберт и думать забыл.

Глава 9. Неожиданная находка

Наши дни, Москва

Александру неприятно поразило поведение Марфы Байзюк, и вечером она поделилась с Зинаидой:

– Ты представляешь, одна из клиенток решила, что я в сговоре с ее мужем и собираюсь свести ее с ума.

Зинаида с изумлением отложила вязанье в сторону.

– Так, может, у нее не все дома? Вы бы с ней поосторожнее.

– Куда уж осторожнее, – отмахнулась Александра. – Не могу понять, то ли у нее муж мерзавец, то ли действительно что-то с головой. Хрен редьки не слаще. Самое ужасное – она утверждает, что я специально переехала в этот дом, чтобы проверить свое черное дело – свести ее с ума!

– Точно сумасшедшая! – заявила Зина. – Вы бы отказались от нее, от греха подальше.

– Не все так просто, – вздохнула Александра. – Эта женщина говорит, что была подружкой Надежды Барятъевой и поэтому у нее такое настороженное отношение к этому особняку.

– При чем тут дом? – удивилась домработница.

– Она утверждает, что этот дом убивает.

Зинаида торопливо перекрестилась.

– Чокнутая!

Александра задумчиво произнесла:

– Может, и чокнутая, но этот дом действительно имеет дурную славу.

Сердито фыркнув, Зинаида опять принялась за вязанье.

– И вы туда же! Не думала, что вы такая суеверная.

Закрыв ноутбук, Александра проговорила:

– Суеверие здесь ни при чем, но история дома могла сыграть кому-то на руку.

– И какая же история у этого дома?

– Не знаю, но хочу узнать.

– Зачем вам это?

– Интересно, – улыбнулась Александра.

Неодобрительно взглянув на хозяйку сквозь очки, Зинаида проворчала:

– Где же вы узнаете про дом?

Выбравшись из-за компьютерного стола, Александра задумчиво произнесла:

– Наверняка отсюда унесли только материальные ценности, а вот бумаги, письма, дневниковые записи, следы прежних хозяев, думаю, остались. Нужно поискать их. Прямо сейчас и займемся.

– Ну давайте поищем. – Зинаида неохотно отложила вязанье и тоже встала.

– Насколько я поняла, здесь был кабинет хозяйки дома, Надежды Барятъевой. Предлагаю с этого кабинета и начать, – загорелась Александра.

Обведя взглядом обстановку комнаты, Зинаида вздохнула, домработнице не очень понравилась идея хозяйки, дело шло к ночи, а она провозилась целый день на кухне, устала, но отказать Александре не посмела.

Кабинет Надежды Барятъевой был обставлен офисной современной мебелью, и только в углу притаился огромный монстр начала прошлого века.

Александра опередила домработницу и сама раскрыла дверцы шкафа.

На полках рядом стояли книги советского периода. Большая Советская энциклопедия с позолоченными буквами на корешках занимала несколько полок, за ней следовали собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков.

Вытащив томик Майн Рида, Александра задумчиво повертела его в руках.

– Представляю, сколько макулатуры сдали в свое время, чтобы получить талоны на покупку этих книг.

– А что, неправильно, что ли, было? Сколько лесов сохранили, – вскинулась Зина.

Хозяйка насмешливо взглянула на домработницу.

– Ты это серьезно?

– Конечно, серьезно! – разошлась Зинаида. – Это сейчас ничего никому не нужно, живут как в последний день на земле, ничего не щадят, все леса повырубили. Все вокруг в свалку превратили.

– Ладно, ладно, не митингуй, лучше поддержи. – Александра подала Зине стопку книг. Шкаф оказался настолько глубоким, что книги стояли в три ряда.

Домработница начала складывать книги на оттоманку.

– Да ты их на пол клади, тут их полно, видишь, какой шкаф здоровый.

– Вы что, их все хотите вытащить? – заохала Зина. – Может, лучше завтра с утра?

– Завтра я не могу, у меня клиенты с десяти.

Несчастливая Зина покорилась и начала складывать книги на пол.

– Вы бы лучше в столе поискали, – недовольно пробормотала она. – Зачем ей в книгах было что-то прятать.

– В столе искала и в тех шкафах искала, – кивнула Александра на офисные шкафы. – Нет там ничего. А ты, если не хочешь, не помогай, только не ной.

Поджав с обидой губы, Зина промолчала.

– Ладно, иди спать, – махнула рукой Александра.

Пока хозяйка не передумала, Зинаида резво припустила в свою спальню.

Проверив часть книг, Александра устало присела на оттоманку.

«Глупое занятие, – хмыкнула она. – Книги все новенькие, как из типографии, их никогда не раскрывали. И почему здесь только художественная литература? Странно, все-таки Барятьева закончила факультет журналистики и даже писала что-то о театре и кино. У нее как минимум должна быть литература об искусстве, а здесь одна классика. Может, это не ее книги?»

Александра решила продолжить поиски завтра, поднялась на ноги и случайно уронила одну из книг. Оттуда выпала старая почтовая квитанция. Александра подняла ее и прочитала имя получателя: «Луиза Казимировна Загоруйко».

Глава 10. Нежданное счастье

1980-е, Москва

Незаметно пролетела осень, время близилось к новогодним праздникам. На Красной площади уже установили главную елку страны. В витринах магазинов по вечерам светились разноцветные гирлянды. На улицах пахло снегом, яблоками, апельсинами и хвоей. Под ногами радостно скрипел снег. В гастрономах и универсамах толпились очереди за деликатесами и подарками.

Наденька уже привыкла к работе и всем сердцем привязалась к театру. Ей нравился запах свежевыглаженных костюмов. Она даже чувствовала гордость за свою причастность к действию, происходящему на сцене. Во время спектакля, забившись в какой-нибудь уголок в зале, она погружалась в мир грез. Все роли главных героинь были выучены ею назубок, и она частенько в мыслях представляла себя на сцене.

Мимо Барятьева она проходила молча, не здороваясь и не глядя на него. Невзрачную, молчаливую девушку-костюмершу актеры не замечали, и Наденьку это устраивало. Ей казалось, что эти люди из какого-то другого, высокого, недоступного для нее мира.

Как-то во время театрального застолья по поводу празднования юбилея одного из артистов, на который пригласили всех работников, рядом с Надей оказался молодой актер Дима Осташенко. Он ухаживал за девушкой весь вечер. И Наденька вдруг расцвела. Мило порозовев от выпитого вина, она удивительно похорошела. Как-то особенно звонко смеялась и даже удачно острила.

Впервые на нее обратили внимание, и внезапно Наденька поймала внимательный взгляд Барятьева. Ей сразу почему-то стало весело, и она нарочито принялась кокетничать с Дмитрием. Краем глаза она наблюдала за Барятьевым, он не отводил от них взгляда.

«Значит, не все пропало!» – ликовала она и демонстративно ушла с торжества в обнимку с Димой.

После того вечера Дима стал ухаживать за Наденькой, и она принимала его знаки внимания.

Надя даже почти забыла о Альберте и всерьез увлеклась Димой.

Как-то по окончании репетиции Наденька, как обычно, сидела в полутемном зале и ждала Дмитрия. Внезапно она почувствовала на себе взгляд, подняла глаза и увидела Барятьева. Пристально глядя на нее, Альберт презрительно процедил:

– Быстро же ты забыла меня, даже не позвонила ни разу. Правильно моя мама говорит: «девичья память до порога».

Кровь прилила к лицу Наденьки, сердце забилося часто и тревожно, но пока она собиралась с духом, чтобы достойно ответить ему, Альберт исчез.

– Ты чего такая взбудораженная? – услышала она голос Димы над ухом.

– Да нет, ничего, – пролепетала Надя, пытаясь улыбнуться.

Дмитрий не отставал.

– Это тебя Барятьев напугал? Не обращай на него внимания, он со всеми так.

– Да нет, что ты! – пришла в себя она. – Просто вдруг нехорошо стало. Наверное, в буфете отравилась.

Кое-как вывернувшись из неприятной ситуации, Надя перевела разговор на другую тему:

– Скоро Новый год, где будем встречать его?

Дима помрачнел и ответил:

– Дома под елочкой.

Оказывается, ему позвонили родственники и сообщили, что серьезно заболела мать. На Новый год Дима вынужден был ехать в родной Новосибирск. Добросердечная Наденька предложила свою помощь и хотела поехать с ним. Но Дима виновато отвел глаза и уговорил ее остаться.

Проводив жениха в аэропорт, Надя грустная пришла на работу. И тут же у входа столкнулась с Барятьевым. Девушка смущенно поздоровалась и попыталась проскользнуть мимо. Но Альберт остановил ее.

– Я Новый год в Доме творчества в Подмоскowie встречать буду, не хочешь присоединиться?

Наденька опешила и широко раскрыла глаза.

– Я? Даже не знаю, что сказать...

– А кто знает? – усмехнулся он. Под его пристальным, тяжелым взглядом Наденьке стало не по себе, и она промолчала. – И знать нечего, я тебя в список участников мероприятия уже включил, у нас все сотрудники за городом Новый год встречают, так что давай, наряд готовь, Золушка, – засмеялся он и похлопал ее по плечу. – Нечего молодой, хорошенькой сидеть дома и скучать.

– Хорошо, я поеду, – еле слышно прошелестела Надя.

– Ну и отлично, – обрадовался Барятьев. – Звякни мне домой вечером, скажу, откуда поедем. Визитку не потеряла?

– Нет, – покраснела она.

После разговора с Барятьевым Наденька летала, словно на крыльях. Конечно, у нее было чувство вины перед Димой, оно неприятно саднило, в один момент она даже решила отказаться от поездки, но тут в памяти всплыли синие глаза Барятьева, его улыбка... И Дима отступил на второй план. Ей так нестерпимо захотелось оказаться рядом с Альбертом, только с ним, и ради этого Надя чувствовала себя способной снести любые преграды. Дима ей казался далеким, пресным, неинтересным и ненужным.

Она с трудом доработала до конца рабочего дня и сломя голову понеслась домой собираться. Набив сумку нужными и ненужными вещами, Наденька с трудом затянула молнию и попробовала ее поднять. Сумка оказалась неподъемной. Пришлось заново перебрать вещи и половину выкинуть.

Закончив сборы, она забралась с ногами на диван и задумалась. Наверняка в доме отдыха будут артисты, ну, может, еще режиссеры, и она – помощница костюмера – будет выглядеть смешно и нелепо.

Надя уже жалела, что поступила так беспечно и легкомысленно дала согласие Барятьеву. Если бы у нее было какое-нибудь сногшибательное платье, тогда еще ничего, но в ее уродских нарядах только людей смешить.

Наступил вечер, на город опустились сумерки, Надежда уже собралась ложиться спать, как в дверь постучали. Она вздрогнула.

– Кто там?

– Это я, – послышался до жути знакомый, красивый баритон Альберта Барятьева.

Надя в смятении заметалась по комнате, торопливо засовывая разбросанные вещи в шкаф.

– Сейчас, сейчас!

Дрожащими руками она открыла дверь.

– Мимо проезжал, – проговорил Альберт, с любопытством оглядывая скромное жилище Нади. – Думаю, а вдруг ты визитку все же потеряла, а мне завтра список отдавать.

– Как вы узнали, где я живу? – заволновалась Надя.

– Элементарно, – засмеялся он. – Спросил у твоей начальницы.

Глава 11. Марфа рассказывает об особняке

Наши дни, Москва

Марфа Байзюк опаздывала, и Александра с раздражением поглядывала на большие круглые часы, висящие на стене.

Сеанс должен был начаться в десять, а стрелки часов показывали уже без двадцати одиннадцать. На двенадцать была назначена следующая клиентка, Павлина Кузьмина – владелица сети парфюмерных магазинов, колоритная дамочка с большими претензиями и склочным характером, она не потерпит задержки сеанса.

Все планы летят к черту! Значит, не получится поговорить с Марфой о семействе Барятых. Могла бы позвонить, предупредить, что не придет!

Александра уже начала терять терпение и собиралась звонить клиентке сама, когда в прихожей послышался высокий, возбужденный голос Марфы.

– Простите, попала в такую пробку, ни туда ни сюда, – проговорила она, проходя в кабинет.

Приветливо кивнув, Александра показала на кушетку:

– Так давайте сразу и начнем. Времени у нас осталось немного.

Скинув туфли, Марфа с готовностью улеглась и, словно кошка, зажмурила глаза.

– Вы сегодня выглядите бодрее и не так взволнованы, – глядя на клиентку, сделала вывод Александра. – Прошное посещение вам пошло на пользу?

Марфа открыла глаза и радостно заморгала.

– Ой, у меня столько всего произошло за два дня! Вы себе представить не можете!

– Да что вы? – изумилась Александра. – И что же у вас случилось?

– Первое – я накрыла своего жеребца с домработницей! – затараторила Марфа. – Вторых, выгнала ее вон. В-третьих... – Она довольно захохотала. – Супруг у меня в ногах валялся, чтобы я с ним не разводилась. Ваши сеансы в меня такую уверенность вселили, что я возродилась, словно птица феникс, и так с ним разговаривала!

– Замечательно, – улыбнулась Александра. – А вы волновались, думали, что повторите судьбу Надежды Барятевой. Надеюсь, теперь этот дом вас не пугает?

Потянувшись, Марфа фальшиво хохотнула:

– Нет, не пугает, все отлично. – Она привстала. – Ой, забыла спросить: а вы привидения тут еще не встречали?

Александра насторожилась.

– Нет, а что, имеются?

– Да они здесь косяками ходят! Странно, что вам не встретились, – покачала головой Марфа.

– Боятся нас, наверное, – усмехнулась Александра. – Вы взрослый человек, Марфа. Призраки – это сказки. Нет в этом доме ничего сверхъестественного.

Вскочив с кушетки, Марфа прижала руки к груди.

– Привидения есть! Я сама лично видела их здесь, и не раз.

– Хорошо. Расскажите об этом? – вкрадчиво предложила Александра.

– Да это не дом, а живая гробница! Вы в курсе, что в этих стенах, – обвела она рукой вокруг, – замурована женщина. Ее замуровали живьем! Помимо этого, в доме бандитами во время революции убиты хозяева дома. И до революции был застрелен человек. И это только те факты, о которых я знаю. А сколько я не знаю!

Александра пожала плечами:

– У каждого старинного особняка есть своя история, как правило, выдуманная.

– К сожалению, это не выдумки, а жестокая правда! – с торжеством воскликнула Байзюк. – Бегите отсюда, пока не поздно. Этот дом всех забирает. Ему нужны жертвы, и чем больше, тем для него лучше, он ими питается.

Но Александра не сдавалась.

– Наверняка все истории приукрашены. Дела давно минувших дней всегда обрастают легендами.

– Вот когда вы собственными глазами увидите привидение, то убедитесь, что я права! – горячилась Марфа.

– Хорошо. Я обязательно вам расскажу, если встречу привидение. А сейчас продолжим наш сеанс. Прилягте, закройте глаза и расслабьтесь...

Но расслабиться Марфе Байзюк так и не удалось, наверху послышался сильный шум и отчаянный женский вопль. Кричала Зинаида, в холле на нее свалилась с полки тяжеленная керамическая ваза.

Женщины выскочили из кабинета и обнаружили Зину рядом с осколками керамической вазы.

– Что я вам говорила?! Вот, видите, началось! Это чей-то дух свалил на вашу домработницу вазу! – воскликнула Марфа.

– Я никакого духа здесь не видела, – заявила Зинаида. – Просто я хотела вытереть с вазы пыль и опрокинула ее.

– Надо быть аккуратнее! – рассердилась Александра. – А чего так кричала?

– Испугалась, – сконфузилась Зинаида.

– Выходит, духи и призраки здесь ни при чем, а виной всему Зинина оплошность, – усмехнулась Александра. – К тому же в местах, где водятся привидения, должны быть чьи-то останки.

Байзюк скептически хмыкнула.

– Останки имеются, я же вам говорила, – замурованная в стене женщина. Один из князей Барятьевых свою жену замуровал, мне Надя рассказывала и даже какие-то старинные бумаги показывала украдкой от Альберта.

Не сводя потрясенного взгляда с Марфы, Зинаида перекрестилась.

– Неужто правда?

– Чистая правда, – подтвердила Марфа. – Да вы поищите в кабинете Альберта, там бумаги про все это имеются.

– Может, покажете, где они лежат? – обрадовалась Александра.

– Заинтересовались? – довольно засмеялась Байзюк.

– Вы очень интересно рассказываете, – сделала попытку подольститься Александра, и это ей удалось.

– О, это еще не все! – с загоревшимися глазами воодушевленно зашептала Марфа. – Здесь столько всего произошло!

– Так рассказывайте, – с нетерпением проговорила Александра.

Женщины направились к кабинету Альберта.

Старинный инкрустированный двухтумбовый стол, словно доисторический монстр, притаился у окна.

Байзюк решительно открыла верхний ящик стола. Увы, папки с бумагами там не оказалось. Марфа заглянула в другие ящики, но и в них было пусто.

Она растерянно развела руками.

– Надя брала папку в верхнем ящике. Наверняка ее кто-то стащил.

– Интересно, кто бы это мог сделать? – вздохнула Александра.

– Да кто угодно! Скорее всего, родня Альберта, – брезгливо поморщилась Марфа. – Вот жуки навозные! Если, конечно, Альберт или Надя бумаги не перепрятали, – задумчиво добавила она.

– А вы не знаете, кто такая Луиза Загоруйко? – спросила Александра.

По лицу Марфы пробежала тень, похоже, этот вопрос был ей неприятен.

– Луиза – сводная сестра Альберта, дочка его отчима, – нехотя произнесла она. – А что это вы вдруг ею заинтересовались?

– Вчера в книжном шкафу в кабинете Надежды взяла томик Майн Рида, а оттуда выпала почтовая квитанция на ее имя.

По непонятной причине Марфа разозлилась. Ее ноздри хищно раздулись, глаза гневно сверкнули.

– Когда только успела свои книги подсунуть! – пробормотала она тихо.

– Что вы сказали? – вскинулась Александра.

– Ничего, – процедила сквозь зубы Марфа и, увидев изумленный взгляд психолога, через силу улыбнулась. – Да я просто возмущаюсь, не успели хозяева покинуть этот мир, как скорбящая родня весь дом обчистила! А уж Луиза – вообще седьмая вода на киселе!

Глава 12. Между раем и адом

1980-е, Подмосковье

Поразительно, но номера Наденьки и Альберта удивительным образом оказались рядом, и от этого девушка почувствовала себя на седьмом небе от счастья. Ведь все эти три дня он будет находиться рядом с ней, их будет разделять всего лишь тонкая стена, она будет постоянно сталкиваться с ним в коридоре, и, возможно... Когда она думала о том, что может произойти между ними, у Наденьки от волнения перехватывало дыхание, а во рту становилось сухо.

Но Барятьева как будто подменили, он даже не поинтересовался, как она устроилась, а в столовой прошел мимо, не заметив, и сел за стол с красавицей актрисой, восходящей звездой Евой Михайловской.

Наденька заняла место за соседним столом и с горечью украдкой наблюдала за парочкой. Глаза Барятьева горели восхищенным огнем, и он не сводил взгляда со своей коллеги. До Нади доносился счастливый, довольный смех Михайловской, любовное журчание Барятьева, и она сходила с ума от ревности.

Поковырявшись с безучастным видом в тарелке, Наденька отставила ее в сторону. Слушать любовное воркование стало не под силу, и, встав из-за стола, она словно пьяная, пошатываясь, направилась в свой номер.

Кинувшись на кровать, она дала волю слезам. Рыдая, Надя с отчаянием била кулачками по подушке и гневно шептала:

– Ненавижу! Мерзавец! Скотина!

Вволю наплакавшись, она, наконец, успокоилась и задремала, изредка всхлипывая. За окнами окончательно стемнело. Поднялась пурга.

Несколько смельчаков, высунувших было нос на улицу, тут же со смехом вернулись назад. Среди них были и Барятьев с Михайловской.

– С ног сбивает, – воскликнул Альберт. – Вокруг ничего не видно.

– Жаль, погулять не удалось, – хохоча, подхватила Ева.

Приятель Альберта артист Юрий Егоров предложил:

– Может, в бильярд?

Покосившись на Михайловскую, Барятьев вздохнул.

– Можно, если барышни нас поддержат, – многозначительно подмигнул он Еве.

Михайловская радостно вспыхнула.

– Отличное предложение, я не против.

– Замечательно! – воскликнул Альберт и, подхватив свою даму под локоток, увлек ее в бильярдную.

В зале, набитом игроками, стоял гвалт, слышался стук бильярдных шаров и резало глаза от табачного дыма. Зоркая Ева мгновенно узрела свободный стол, и компания направилась к нему.

Игра началась. Ева выбрала себе кий, натерла его мелом, прицелилась и ударила по шару. Шар завертелся волчком и замер. Подруга Евы, смешливая Ася Даниленко, кинулась складывать шары в треугольник.

Сняв треугольник, Альберт взял кий и ловко, одним ударом отправил два шара в лузу. Ева возбужденно взвизгнула и восторженно захлопала в ладоши.

– Превосходно, Альберт! Вы – ас! У меня так никогда не получится.

– А я научу. – Он взял ее руку и положил на кий. – Вот так ставим пальчики, – ворковал он, обнимая девушку.

Кокетничая, Ева прижималась к нему, зазывно смеялась, красиво закидывала голову. У нее никак не получалось сделать точный удар, и Альберт с удовольствием продолжал процесс обучения.

– Нет, сегодня у меня точно не получится, – наконец сдалась Ева, утомленно отведя пышную гриву светлых волос, обнажив нежную, точеную шею.

С вожделением взглянув на девушку, Альберт жадно облизнул губы.

– Хорошо, может, тогда пойдем ко мне, выпьем кофе, – предложил он.

Но Ева отвела глаза и прощбетала:

– Уже поздно, я хочу спать.

Наденька проснулась от тихого, настойчивого стука в дверь. Спросонья она не поняла, где находится. Вскочила с кровати и в потемках на ощупь прошлепала босиком к двери.

– Кто там?

– Открой, это я, Альберт, – послышался приглушенный голос.

Не веря своему счастью, девушка решительно повернула ключ. Дверь открылась, и в комнату... нет, не вошел, а ворвался, словно вихрь, Барятьев.

Он подхватил Наденьку на руки, крепко обнял. Горячие влажные губы коснулись ее губ. У нее закружилась голова, девушка словно провалилась в какое-то другое, ранее незнакомое ей и оттого пугающее измерение. Происходящее казалось ей нереальным, странным, фантастическим сном.

Все произошло быстро и непонятно, и это оглушило Наденьку. Она с трудом сознавала, что происходит, с трудом понимала, о чем Альберт шепчет ей.

Единственное, что она запомнила и поняла, – это его удивление и умиление.

– Я у тебя первый? Ты чудо!

– Ты на мне женишься? – глупо улыбалась она в темноте.

– Конечно, – жарко шептал он. – Только нужно подождать.

Проснувшись утром, Наденька обнаружила, что Альберта рядом нет, и она даже обрадовалась, потому что после произошедшего между ними ночью чувствовала страшную неловкость.

Приняв душ и принарядившись, она уже справилась со своим смущением и, сияющая в предвкушении встречи с любимым, постучала в его дверь. Тишина за дверью красноречиво дала понять, что Альберта нет в номере, и Надя с полыхающими от тревожного волнения щеками кинулась в столовую.

Ее возлюбленный уже позавтракал, но сидел за столом рядом с Евой Михайловской. Альберт рассказывал ей очередной анекдот. Девушка заразительно смеялась, а Барятьев не сводил с нее влюбленного взгляда.

У Наденьки мгновенно потемнело в глазах от ревности и боли, весь мир и люди показались ничтожными и отвратительными. Боясь выдать свое состояние, она низко склонилась над тарелкой. Барятьев шестым чувством угадал ее присутствие и взглянул на нее.

Наденька пересела на свободное место к нему спиной. Похоже, его это задело, и он с досадой дернулся, но, поймав удивленный взор Евы, беспечно продолжил веселиться.

С трудом выпив стакан чая и почти не тронув завтрак, Надя стремглав выскочила из столовой. Ей хотелось побыть одной, чтобы дать волю слезам. А еще ей хотелось немедленно покинуть это место, уехать куда-нибудь далеко-далеко и навсегда. В памяти возник Дима Остащенко, запоздалое сожаление и раскаяние волной поднялось в ней и обожгло. В глазах предательски защипало, и она бросилась к лифту. До номера Надя добралась быстро, но никак не могла попасть ключом в скважину, мешали предательски нахлынувшие слезы.

Внезапно она почувствовала на своих плечах тяжесть чьих-то рук и резко обернулась.

– Что случилось? – услышала она веселый, насмешливый голос Альберта. – Ты даже со мной не поздоровалась.

– Ничего не случилось, – глухо буркнула Наденька, наконец открыв дверь.

Вслед за ней Альберт вошел в номер.

– Это что за слезы? – Он обнял девушку. – Ты что, меня к Михайловской приревновала?

– Нет, – пытаюсь вырваться из его объятий, беспомощно пискнула Надя.

– Видел твое лицо, когда ты в столовую вошла, – усмехнулся Альберт.

– Лицо как лицо, – огрызнулась она, но вырываться перестала.

Альберт посадил ее к себе на колени, погладил по голове.

– Какой ты еще, в сущности, ребенок, – задумчиво произнес он. – Чистое дитя.

Глава 13. Разбитые в прах мечты

В Москву из Дома творчества возвращались в сильную пургу. Со скоростью черепахи автобус пробивался сквозь вьюгу по занесенной метелью трассе. Впереди сквозь плотную снежную пелену слышался надрывно кашляющий, непрерывный рокот трактора, расчищавшего дорогу, которую тут же заносило снегом.

Наденька сидела одна на заднем сиденье и с тоской смотрела в окно, покрытое толстым слоем узорного льда.

В ее фиалковых глазах замерла острая боль. Она старалась не смотреть на парочку, сидевшую впереди, но у нее это плохо получалось, и время от времени взгляд останавливался на Альберте с Евой. Они сидели обнявшись. Барятьев с нежностью смотрел на свою спутницу и что-то шептал ей на ухо.

У Наденьки от этого все холодело в груди. К тому же она на самом деле замерзла, и руки заledenели, пытаясь согреться, она отчаянно дышала на пальцы. Ни одна дорога не казалась Наде такой бесконечно долгой и мучительной, как эта. Ей казалось, что никогда в жизни она не была так несчастна, как сейчас. Лишь один раз Барятьев украдкой бросил на нее любопытный, испытующий взгляд и тут же отвернулся.

Наденька попросила водителя остановить автобус у первой станции метро и, проходя на ватных ногах мимо Барятьева, споткнулась о его сумку, стоявшую в проходе. Он насмешливо посмотрел на девушку, а Ева громко засмеялась. Альберту это не понравилось, и он слегка отстранился от нее. Ева почувствовала его недовольство и замолчала, проводив Наденьку враждебным, презрительным взглядом.

Горестно доковыляв до дома, Надя в очередной раз дала волю слезам. Наверное, она сама виновата в том, что Альберт увлекся красоткой Евой. Надя прекрасно понимала, что проигрывает во внешности Михайловской, но, как любая женщина, думала, что все равно она гораздо лучше соперницы, что душа у нее чище, она добрее и любит Альберта в тысячу раз больше, чем эта холодная змеючка Ева. Что в ней есть что-то такое чудесное, чего в другой женщине нет. И, как любая женщина, обвиняла в предательстве не мужчину, а соперницу. Она не хотела понимать, что подло с ней поступил Барятьев, а не Ева. Боль жгла нестерпимым огнем внутри, и слезы не приносили облегчения. Надя поклялась себе, что, несмотря ни на что, завоюет Альберта и покажет Еве, чего она стоит.

Вволю нарыдавшись, она разобрала вещи и разложила их по своим местам.

В дверь постучали, у Нади радостно забилося сердце: «Альберт!» Она опрометью кинулась к двери и распахнула ее.

Перед ней в запорошенной снегом пуховой шали и потертой кроличьей шубке стояла ее мать.

От неожиданности Надя отпрянула.

– Мама? Как ты узнала, что я здесь?

Мать обожгла ее укоряющим, сердитым взглядом.

– Сима сказала.

– Сима... – печально повторила Наденька. – Зачем? Я же просила ее! – И бросилась помогать матери снимать мокрую от растаявшего снега шубу. – Не злись, пожалуйста, просто я не хотела тебе говорить пока, чтобы не расстраивать, а потом я бы тебе все обязательно рассказала.

Мать сокрушенно покачала головой.

– Мне Сима вчера все рассказала про твои дела. Влюбилась, университет бросила, костюмершей устроилась в театр к любовнику. – Вырвав из рук дочери свою шубу, она

гневно стряхнула с нее снег и повесила на вешалку. Затем оглядела комнату. – Неплохо устроилась.

– Я же просила Симу тебе нечего не рассказывать, – угрюмо пробормотала Надя. – Зря я ей написала.

– Ты не об этом беспокойся, – прикрикнула мать. – Не в Симе дело, а в тебе. Я думала, ты учишься, а ты дурака валяешь. Не ожидала от тебя такого, – вдруг всхлипнула она, и ее бледные губы жалко вздрогнули и беспомощно скривились. – Мы ли с отцом для тебя не старались? А ты вон что нам устроила!

Наденьке стало бесконечно жаль мать, и ее собственная боль куда-то отошла и притупилась, вместо нее нахлынула нежность и глубокая жалость к родителям. Она почувствовала себя виноватой.

Наденька обняла маму и горячо зашептала:

– Мама, прости, пожалуйста. Я больше никогда не буду делать так, никогда. Я все исправлю.

Когда мать и дочь, вдоволь наплакавшись, успокоились, мама решительно сказала:

– Первым делом ты должна уволиться из театра и восстановиться в университете.

Но Наденька заупрямилась.

– Я буду работать и перейду на вечерний факультет или заочный.

Мать расстроилась.

– Зачем тебе вечерний? Спокойно училась бы на дневном и стипендию получала.

– Мама, ну как ты не понимаешь! Стипендия маленькая, на нее не проживешь, а я уже взрослая девушка, мне и одеться надо, и выйти куда-нибудь.

– Мы же тебе денег все время подкидывали, – горестно вздохнула мать. – Почему бы не учиться, не отвлекаясь?

– Этих денег недостаточно, мама.

Беспомощно опустившись на стул, мать покачала головой.

– Дочка, дочка. Ты раньше мало интересовалась нарядами. Была серьезной и разумной. Что случилось?

Наденька упрямо поджала губы.

– Знаешь, мама, я думаю, девушке не учеба нужна, а хороший надежный муж.

– Уж не этот ли артист, про которого Сима говорила, тебе голову задурил? – сердито прищурилась мать.

Стоя посреди комнаты, дочь вызывающе подбоченилась.

– А хоть бы и он, и что?

– А то! – окончательно рассердилась мама. – Не потому ли у тебя все лицо зареванное? Муж! Артисты на артистках женятся или на каких-нибудь знаменитостях, а ты провинциальная девчонка, ни профессии, ни образования, да и не красавица.

– Спасибо, мама, – обиделась Надежда. – Только если ты считаешь меня дурнушкой – это не значит, что я не нравлюсь другим.

Мать вздохнула и примирительно спросила:

– Что хоть за артист? Как зовут его?

– Тебе что, правда интересно? – неуверенно пробормотала Надя.

– Правда, ты же моя дочь, мне все важно знать о тебе.

Помолчав, Надя смущенно назвала имя своего возлюбленного.

– Знакомая фамилия, только лицо не могу вспомнить, – сконфузилась мать. – А в каких фильмах он снимался?

Моментально оживившись, Надя начала рассказывать о ролях Барятьева. Теперь она знала все его фильмы почти наизусть.

– Так он же старый для тебя! – невольно вырвалось у матери.

У Наденьки гневно затрепетали ноздри, и она выкрикнула:

– Никакой он не старый! Что ты придумываешь?!

– Что ты кричишь? Посчитай, на сколько лет он тебя старше.

– Да мне плевать, сколько ему лет! – продолжала кричать Надя. Ее лицо покраснело, жилы на шее натянулись от крика. Она стала совсем некрасивой.

Мать увидела, что Наденька не в себе, не контролирует эмоции, и решила больше не испытывать судьбу. Порывисто обняла дочь.

– Ну любишь и люби, – тихонько шепнула она. – Только я вижу, не очень-то ты счастлива.

От участливого голоса матери у Наденьки все перевернулось в душе, и слезы хлынули из глаз. Она уткнулась в теплую материнскую грудь и, вдохнув знакомый с детства запах, сбивчиво и торопливо поведала свою короткую и горькую историю любви.

Глава 14. Неприятности Марфы Байзюк

Наши дни, Москва

Приструнив мужа, довольная Марфа праздновала победу.

Для начала она потребовала от неверного супруга давно приглянувшиеся ей в модном ювелирном магазине кольцо и сережки из белого золота с изумительными сапфирами.

По кислому выражению лица благоверного Марфа поняла, что эта покупка не слишком порадовала его, но, получив желанный подарок, она не остановилась и на следующее утро потребовала новую машину. Но неожиданно нарвалась на жесткое сопротивление.

Лицо супруга приняло каменное, непроницаемое выражение.

– Нет. К сожалению, дорогая, сейчас кризис в стране, и мой бизнес трещит по швам. Завтра вам с Антоном есть будет нечего.

Марфа пришла в бешенство и начала упрекать мужа в измене. Вопреки ее ожиданиям, что он начнет извиняться, супруг молча ушел в ванную и захлопнул за собой дверь.

Марфа растерялась. Скомкав попавшийся под руки пеньюар, она со злостью кинула его вслед ушедшему мужу. Но тут же опомнилась, подобрала пеньюар, накинула его и подергала дверную ручку. Дверь ванной была заперта изнутри.

– У тебя всегда кризис! – запоздало крикнула она.

Но ответа не последовало, только звук льющейся из душа воды.

Разъяренная Марфа направилась в свою ванную. Нужно было успокоиться и подумать. Бросив в воду ароматическую соль с косметическим маслом и лепестками роз, она забралась в ванну и блаженно вытянулась. Но в ушах до сих пор звучал непреклонный голос мужа. Его слова приводили в бешенство, и руки невольно сжимались в кулаки.

– Жмот проклятый! – бормотала она с ненавистью. – Скрыга! Ну, я тебе устрою!

Марфа понимала, что расслабилась и простила мужа раньше времени и упустила шанс что-то изменить в их отношениях. Самое ужасное было то, что она не знала, что делать. В течение десяти лет ей с легкостью удавалось управлять им, он выполнял любые ее прихоти и стелился перед ней, словно джинн из лампы, и вдруг в один момент резко изменился, стал колючим и равнодушным. Вначале у Марфы возникло подозрение, что виной всему увлечение другой женщиной, но, уличив его в нескольких изменах и даже застав в объятиях некрасивой домработницы, она поняла, что дело не в конкретной сопернице, просто его любовь к жене исчерпала себя до дна. Его чувства растаяли как дым, а она прозевала тот момент, когда нужно было подогреть их ревностью или чем-нибудь другим, и вот наступил финал.

«Самое скверное, – думала Марфа, – что этот мерзавец в свое время, несмотря на страстную любовь ко мне, себе соломку подстелил и все обштопал таким образом, что я ни на что из его имущества не имею права. Даже ребенка он меня может лишить. Нужно было мне, дуре, не орать как ненормальной, когда увидела его в объятиях домработницы, а тихонько заснять их на мобильник, а потом найти хорошего адвоката и разводиться».

Распахнулась дверь, и на пороге ванной комнаты появился муж.

– Ты, случайно, не видела мой мобильник?

– Мобильник? – нахмурилась Марфа. – Нет, не видела.

Он хотел что-то еще сказать, но замешкался и, бросив на супругу сердитый взгляд, вышел.

Раздосадованная Марфа поспешно выбралась из ванны. Натянула махровый халат и, оставляя клочья пены и мокрые следы, босиком побежала за мужем.

– Петя! – истерично крикнула она. – Подожди!

Но в прихожей уже хлопнула дверь, а на шум, словно черт из табакерки, появилась новая горничная. Увидев ее, Марфа закричала зубами от злости. Молоденькая брюнетка в

ослепительно белой блузке и коротенькой черной юбке была настолько хороша, что Марфе стало плохо.

– Доброе утро, – проворковала девица. – Меня зовут Яна, я ваша горничная. А Петр Антонович уже ушел.

– Я поняла, – холодно процедила Марфа и промаршировала мимо девушки в спальню.

Дрожащими от ярости руками она набрала номер мобильного мужа, но он не брал трубку. Марфа вспомнила, что он потерял телефон где-то дома. Натянув джинсы и свитер, она взялась за поиски. Обыскав спальню, бросилась в гостиную и столкнулась с Яной.

– Милочка, вам, случайно, не встречался мобильный телефон? – поинтересовалась она.

– Встречался, – любезно улыбнулась Яна и вытащила мобильник Петра из нагрудного карманчика блузки. – Этот?

– Этот. – Марфа грубо вырвала телефон из ее рук. – А почему вы его в кармане носите?

Девушка прошептала:

– Телефон валялся под обеденным столом, я подумала, что его Петр Антонович потерял, хотела вечером ему отдать.

– Если вы не в курсе, у Петра Антоновича жена имеется, – угрожающе прошипела Марфа.

Горничная с готовностью кивнула и, вежливо улыбаясь, сверкнула белоснежными зубками.

– Конечно, Марфа Васильевна.

– То-то же! – бросила Марфа и побежала звонить своему психологу.

Александра с сочувствием выслушала ее и предложила приехать, благо у нее образовалось свободное окно.

– Меня как сглазили! Сплошные несчастья! – жаловалась Марфа. – Этот мерзавец новенькую горничную нанял, а мне и словом не обмолвился, не посоветовался со мной, – захлебывалась она от злости. – Я сейчас приеду к вам.

Марфе было невмоготу оставаться в одном доме с красоткой Яной. Схватив ключи от машины, она натянула куртку и выскочила на улицу.

Особенных пробок не было, и она быстро добралась до особняка Барятьевых.

Взглянув на расстроенную клиентку, Александра предложила ей выпить чая или кофе.

– Я от чего-нибудь покрепче не отказалась бы, – ответила Марфа. – Да я за рулем.

– Вы слишком взволнованы. Как вы управляли в таком состоянии автомобилем? Лучше бы взяли такси, – вздохнула Александра.

Скинув куртку, Марфа уселась на кушетку.

– Плевать. Впрочем, я могу машину у вас во дворе оставить и поехать домой на такси. Так что рюмочку коньяка я бы с удовольствием пропустила.

– Тогда прошу в столовую.

Глава 15. Исповедь Марфы

Чаепитие с коньяком затянулось чуть ли не до полуночи. Александре даже пришлось позвонить и отменить два сеанса, что были назначены на сегодня. Она не могла бросить Марфу в таком состоянии.

Байзюк с наслаждением освобождалась от накопившейся ненависти к мужу.

– Всю молодость ему отдала! – шипела она. – Я могла бы такую выгодную партию сделать. Какие мужики за мной бегали! Даже один миллиардер из Америки, а я, дура, этого козла предпочла. И что в нем хорошего? Маленький, толстый, лысый...

Александра молча слушала ее. Сбоку стола прилепилась Зинаида и, подперев щеку, жалостливо внимала откровениям Марфы.

– И туда же! Ни одной юбки мимо не пропустит! Он что думает – такой неотразимый? Да это кошелек его неотразимый, его бабки. Сам-то он ничего из себя не представляет.

– Меня одно удивляет, – вздохнула Александра. – Как вы, Марфа, могли подумать, что я с ним в коалиции против вас?

Разгоряченная коньяком, Марфа изумленно уставилась на психолога, но, вспомнив свой недавний выпад против нее, нервно хихикнула.

– Ах, вы про тот случай. Я тогда была на взводе, ну и сорвалась, накинулась на вас, извините.

Взглянув в окно, где в голубоватом свете фонарей тревожно и загадочно метались снежинки, Александра многозначительно улыбнулась.

– Конечно, понимаю. И теперь мне кое-что понятно и о Надежде Барятъевой.

– О Наде? – встрепенулась Марфа. – Что это вдруг вы о ней вспомнили?

– Разве ваши ситуации не похожи?

Густо покраснев, Марфа пробормотала:

– При чем здесь Надя?

– Ну как же, – не унималась Александра. – Вы же сами говорили, что над Надеждой муж издевался.

Марфа вдруг всхлипнула.

– В отличие от моего уroda, Надин муж ее любил. Альберт мужик был – глыба, не то что мой – сморчок гнилой.

– Любил? – удивилась Александра.

– Да, любил, – опустила голову Марфа и глухо продолжила: – Это была трагедия великой любви, такой любви, о которой мы только в книжках читаем.

– Так, значит, Надежда действительно сама повесилась? – вырвалось у Александры. – От великой любви?

– А вот это не факт, – горько усмехнулась Марфа. – Очень много странного во всей этой истории. Жаль, что Надя в последнее время отдалилась от меня. Да и я, к сожалению, была слишком занята собой.

– Значит, вы все-таки думаете, что Надежду убили? Почему?

Марфа саркастически хмыкнула:

– Думаю, кому-то она сильно мешала.

– Чем она могла мешать? – удивилась Александра.

– Понятия не имею. Может, кому-нибудь дорогу перешла, я же не знаю, чем она в последнее время занималась, – замялась Марфа.

– А как же все эти разговоры про дом, который убивает?

Марфа мгновенно протрезвела и взглянула на наручные часы.

– Ой, что-то я припозднилась, пора домой. – Она вскочила. – Спасибо за гостеприимство.

– Давайте вызовем такси, – вскочила Александра.

Гостя отчаянно замотала головой:

– Нет, нет, не стоит, поймаю машину на улице. Заодно прогуляюсь немного.

Александра вызвалась ее проводить.

На улице шел робкий снег и тут же таял в темных лужах. Стояла промозглая осенняя погода.

Александра зябко поежилась.

– Как время летит. Казалось бы, недавно палила жара, было лето, и вот уже зима подкралась.

– Действительно, – откликнулась Марфа. – Время летит мгновенно. А раньше тянулось, словно резина.

– Просто раньше было много свободного времени, – засмеялась Александра. – А сейчас каждая минута забита под завязку.

Марфа рассеянно кивнула.

– Наверное.

Она о чем-то глубоко задумалась.

После недолгого молчания Александра спросила:

– А у Надежды Барятевой были близкие родственники, сестры или братья?

– Это мне неизвестно, – скривилась Марфа. – Думаю, что нет, если бы родня имела, на похороны бы приехали, а никого не было.

– Может, вы просто их не узнали?

– Да Надежду в последний путь маленькая кучка народу провожала, и все мне знакомы. Так что никого из ее родных на похоронах не было.

Александра сокрушенно вздохнула:

– Надо же! И кто же проводил ее в последний путь?

– Прислуга, Луиза Загоруйко, я и несколько ее знакомых.

– И все?!

– Все, – мрачно произнесла Марфа. – Со мной даже муж не поехал. Ну это, конечно, не считая журналистов, этих пройдох было немало.

Мимо проехало свободное такси. Марфа запоздало замахала руками и побежала за машиной. Но таксист не заметил женщину и выехал из переулка.

– Здесь мы машину не поймаем, – с досадой выпалила Марфа.

– Так пойдемте к метро, – предложила Александра. – Там стоянка такси есть.

Снег закончился, его сменил колючий, мелкий, противный дождь. Марфа зябко куталась в куртку.

– А что это вы так Надеждой интересуетесь? – спросила она.

– Сама не могу объяснить, – вздохнула Александра. – Наверное, из любопытства.

– Нет, – мрачно произнесла Марфа. – Вы не из любопытства это делаете, вы самым настоящим расследованием занимаетесь. Только я бы на вашем месте бросила эту затею.

– Почему? – изумилась Александра.

– Потому, – уклонилась от ответа Марфа.

Александра хотела возразить, но удержалась и лишь благодушно улыбнулась.

– Да мне, собственно говоря, и некогда заниматься расследованием. Живу в доме Барятевых, поэтому заинтересовалась. А ваша реакция меня, честно говоря, удивила. Вас что-то пугает?

Марфа неестественно рассмеялась.

– Что меня может пугать? История смерти Надежды действительно темная, вот я и подумала – зачем вам в этом копать, ведь это может быть кому-то невыгодно. И если Надю убили, то что им стоит убить кого-то еще? Опасно это.

Они вышли к метро. Вокруг было многолюдно. Разноцветными огнями зазывно сверкала реклама. По проспекту летали машины.

– Опасно? – остановилась Александра. – Почему? Что мне может угрожать?

Марфа не ответила, а увидев свободное такси, ринулась к нему.

– Свою машину завтра заберу, – крикнула она, садясь в такси.

Глава 16. Крах семьи Марфы Байзюк

В доме было темно и тихо. Марфа бесшумно скинула куртку в прихожей и на цыпочках пробралась в свою спальню. Зашла в ванную, приняла душ, надела халат и поспешила в комнату сына.

Сын уже сладко спал. Осторожно поцеловав ребенка, Марфа с нежностью вдохнула его запах и, подоткнув одеяло, бесшумно удалилась.

Утром ее разбудил грубый окрик мужа:

– Дрыхнешь! Перегаром на весь дом несет! Шлялась где-то всю ночь, бросив ребенка! Мать еще называется!

Марфа с трудом оторвала голову от подушки и увидела перекошенное злобой лицо мужа. Голова раскалывалась от боли, в горле першило.

– С ума сошел? – прохрипела она. – Чего орешь?! Антошу разбудишь.

– Антон давно в школе, – издевательски бросил муж. – Скоро обед, а ты дрыхнешь без задних ног. Меня абсолютно не волнует, где ты таскаешься, мне уже надоело считать твоих качков. Опять какой-нибудь очередной фитнес-тренер. Но меня волнует мой сын, своим поведением ты травмируешь ребенка.

Сначала Марфе показалось, что это ей снится, потому что прежде Петр ничего подобного себе не позволял, а сейчас его точно подменили. Изумленно глядя на налитые ненавистью глаза мужа, она приподнялась в постели и тут же сползла на подушку от сильного приступа кашля.

Одетый с иголки и уже готовый к выходу, Петр крикнул:

– Алкоголичка! Еще и заразу где-то подцепила! – Он обернулся и крикнул: – Яна, идите сюда!

Горничная мгновенно появилась на пороге и с готовностью уставилась на хозяина.

– Слушаю.

Брезгливо кивнув на жену, Байзюк произнес:

– Приглядите за хозяйкой, Яна, и ни в коем случае не давайте ей спиртного. Человек болен алкоголизмом.

Марфа гневно взглянула на мужа.

– Петя, ты точно мозгами съехал! Когда это я пила?

Не прореагировав на ее слова, Байзюк обратился к домработнице:

– В случае чего будете свидетелем ее неадекватного поведения.

Оскорбленная Марфа открыла рот и попыталась возразить, но из больного горла вырвалось лишь сердитое шипение.

– Не беспокойтесь, все сделаю, как вы сказали, – послушно пискнула Яна.

Петр кивнул и стремительно покинул спальню жены.

Яна метнулась за хозяином, и из прихожей донесся ее звонкий смех, а Байзюк ей что-то говорил.

Ошеломленная Марфа даже в кошмарном сне не могла себе представить, что так скоро наступит конец ее отношений с мужем, и тем более таким образом.

«Можно прожить с человеком всю жизнь и так и не узнать, что он из себя представляет на самом деле. А вот станешь от него зависимой и сразу увидишь – кто перед тобой», – горько подумала она.

Качаясь от слабости, Марфа поплелась на кухню. Просить о чем-то нахальную горничную не хотелось.

Она сама включила чайник и полезла в холодильник за лимоном. В дверях тут же нарисовалась Яна. Встав за спиной Марфы, она стальным голосом спросила:

– Надеюсь, вы не водку ищите?

Марфа смирила горничную испепеляющим взглядом.

– Вы что, не видите, я заболела! Мне не до водки. Тем более что водку я вообще не пью.

Тем не менее Яна, недоверчиво покрутив носиком, сунулась в холодильник и, вытащив початую бутылку водки, унесла ее с собой.

Марфа только покачала головой и, сделав себе чая с медом и лимоном, вернулась в постель.

Не дождавшись звонка от клиентки, Александра сама позвонила ей.

– Я заболела, – с отчаянием пробормотала Марфа. – Как только мне станет лучше, перезвоню.

Горячий чай не помог, ей стало еще хуже, и она попросила Яну вызвать врача, но девица отказалась.

– Петр Антонович мне указаний на этот счет не давал.

Марфе пришлось самой вызывать доктора.

Осмотрев пациентку, врач определил, что у нее сильная простуда. Выписав лекарство, он отдал рецепт домработнице и велел немедленно идти в аптеку.

Яна не осмелилась послушаться врача и покорно отправилась за лекарством.

К вечеру температура спала, и Марфе полегчало. Услышав, что муж вернулся, она вылезла из постели, чтобы объясниться с ним.

Завидев супругу, Петр позеленел от злости.

– Ты чего по квартире шляешься, заразу разносишь?

Марфа попыталась усовестить мужа. Но Петр мгновенно пришел в ярость.

– Нечего мне морали читать, лицемерка! Ты у меня вылетишь отсюда. И родительских прав тебя лишу, сына тебе не видать как своих ушей.

У Марфы затряслись губы.

– Ну ты и сволочь! Запомни, если ты у меня Антошу отберешь, я тебя убью!

Байзюк завопил:

– Яна! Яна, иди сюда! Подтверди, что ты слышала, как эта психопатка угрожала убить меня. Ты должна подтвердить это в суде.

– Конечно, Петр Антонович, – отчеканила мгновенно появившаяся горничная.

Глава 17. Любопытная незнакомка

Встревоженная разговором с Марфой Байзюк, Александра поделилась с Зинаидой:

– Похоже, у Марфы совсем дела плохи, и голос простуженный.

– Да с мужем, небось, разругалась, – отозвалась домработница. – Вот придет и будет вам жаловаться опять.

– Хорошо, сегодня пятница и нет приема, – с наслаждением потянулась Александра.

Зинаида молча кивнула, соглашаясь.

– Пойду с Альмой погуляю, – сказала Александра, направляясь к двери. – А ты пока обедом займись.

На дворе было зябко, вокруг лежал редкий сухой снег. Он запорошил и машину Марфы. Альма подбежала к автомобилю и нырнула под него.

Александра позвала собаку и не спеша зашагала вокруг дома.

Небольшой дворик некогда был засеян газонной травой, которая безобразно разрослась и, подобно ржавым болотным кочкам, топорщилась повсюду вплоть до высокого металлического забора с воротами и калиткой.

Дом имел два входа – парадный с фасада и запасной позади. После революции запасной ход был наглухо закрыт, но когда Альберт Барятьев получил дом в аренду, он восстановил его в первозданном виде.

Александра подошла к маленькому крылечку, ведущему к двери. По пыльному дерматиону она поняла, что дверью давно не пользовались.

«До запасного хода мы с Зинаидой не добрались, – подумала она. – А ведь вполне возможно, что именно где-то здесь Барятьевы могли спрятать старинные бумаги, которые видела Марфа. Нужно будет сегодня поискать в этой части дома. Заодно и подвал осмотреть».

Внезапно Александра почувствовала чей-то взгляд и обернулась.

Вцепившись в тонкие прутья ограды, по ту сторону забора стояла женщина средних лет в черной кожанке, клетчатой толстой шерстяной юбке и рыжих ботинках. Наряд завершала претенциозная шляпка с вуалью. Женщина пристально рассматривала Александру.

– Давно здесь живете? – раздался ее слегка хриловатый голос.

– Нет, а что?

Женщина усмехнулась.

– Да я просто так спросила. Дом долго стоял пустой, а тут вдруг свет в окнах. Вот мне и интересно стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.